

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 121, октябрь 2024

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ

Стратегическая беспрецедентность – это невиданные ранее условия отношений держав, вызванные прежде всего становлением Китая в качестве империалистической державы, что привело к *кризису мирового порядка* и всемирному противостоянию, достигшему уровня схватки между крупнейшими государствами и силами континентального масштаба.

Если потрясение мирового баланса беспрецедентно – никогда не было империалистической державы такого размера, как Китай, никогда не было мирового противостояния между гигантами такого масштаба, – то и последствия *кризиса порядка* также беспрецедентны, так как не имеет примеров сама *напряжённость* – с одной стороны; но с другой стороны, в этих последствиях улавливаются, комбинируются и преобразуются уже существующие тенденции и исторический материал, унаследованные от других фаз противостояния. Украина, Средний Восток, Тайвань и Южно-Китайское море уже были зонами кризиса или боковыми точками империалистической конфронтации, но именно вторжение Китая реактивирует их и придаёт им характер *войн кризиса порядка*, настоящих или грядущих.

Вот почему, помимо прочего, условия политической борьбы и социальной психологии в Америке и Европе мы определили как *новый политический цикл* или *политический цикл атлантического упадка*, но не как абсолютную беспрецедентность. Новыми факторами стали *электоральные восстания*, колебания и даже конвульсии американского упадка или европейских политических кризисов, но они новы по отношению к послевоенным условиям восходящего цикла социал-демократизации, создания пенсионных систем и систем здравоохранения, массового школьного образования, позитивной демографии, вызванной *бэби-бумом* 1950-х и 1960-х годов. Новым кажется возвращение к государственному капитализму,

интервентистской промышленной политике и протекционистским мерам, но лишь по отношению к тридцатилетнему либеристскому циклу. На протяжении XX века империализма, до 1914 года или в 1920–1930-х годах, в период между двумя мировыми войнами, общественное мнение уже было охвачено фанатизмом и массовыми страхами, а исторические партии и почтенные институты в конечном итоге разъедались коррозией, теряли содержание и распадались в результате всё более острых политических кризисов. Крупные группы капитала при этом всегда циклически прибегали к силе государств в своей неустанной конкуренции и защите сфер влияния, вплоть до встраивания в военную экономику.

То же самое относится и к новой гонке вооружений. *Беспрецедентно* то, что Китай перевооружается и что Пекин намерен в течение следующего десятилетия иметь вооружённые силы мирового класса, так же как невиданной является ядерная система, в центре которой находятся три сверхдержавы – США, Россия и Китай, а ЕС обсуждает, стать ли ему четвёртым полюсом. Но само собой разумеется, что циклы перевооружения были характерны для всей истории империализма, причём не только в преддверии крупных войн: вспомните *новое противостояние* 1980-х годов и вызов перевооружения, брошенный США при администрации Рейгана.

Именно перевооружение 1980-х годов нужно держать в уме, оценивая нынешние ракетные планы Германии, Европы и Японии. Тогда Гельмут Шмидт, а затем Гельмут Коль начали переговоры с Валери Жискар д’Эстеном и Франсуа Миттераном об условиях *европейской обороны*, а в Токио Ясухиро Накасонэ рассчитывал преодолеть послевоенную стратегическую карликовость Японии, разрешив её вооружённым силам защищать проливы вокруг Японского архипелага.

Переворужение в эпоху Рейгана, в условиях ослабления биполярности между США и СССР и ускорения тенденции к многополярности, также использовало гонку вооружений с Москвой для сохранения военного превосходства над Германией, Францией и Японией. В остальном, на протяжении послевоенного периода *расширенное сдерживание*, которое Вашингтон предлагал союзникам посредством НАТО и японо-американского договора о безопасности, было призвано предотвратить именно атомное перевооружение Германии и Японии.

Непредвиденным последствием рейгановской гонки вооружений 80-х годов, с милитаризацией космического пространства, Стратегической оборонной инициативой (СОИ) и *звёздными войнами*, стал распад СССР, раздавленно-го весом своего *военно-промышленного комплекса*, когда поток нефтяных доходов начал ослабевать после большой волны 1970-х годов.

Этот внезапный и неожиданный вакуум власти позволил Колю воспользоваться исторической возможностью объединения Германии. Но сегодня можно утверждать, что в результате преодоления этого стратегического рубежа Германия парадоксальным образом лишилась стимула к развитию *европейской обороны* и к полной стратегической зрелости. Конечно, шаги в этом направлении были: например, участие бундесвера в *балканских войнах* и планы Европейского конституционного собрания по созданию сил быстрого реагирования – которым, однако, помешали Соединённые Штаты с двумя своими войнами в Персидском заливе в 1991-м и 2003 годах, развязанными для подтверждения центральной роли Вашингтона. Но в итоге возобладала перспектива *дивидендов мира*, в рамках которой распад СССР и окончание холодной войны лишь утвердили Германию в её склонности к многосторонности, военно-стратегической сдержанности и примату экономических отношений во внешней поли-

тике. Тем временем Токио погрузился в дефляцию и длительную стагнацию 1990-х годов, приведшие к политическому кризису, который на некоторое время подорвал единство либерал-демократов, ключевой партии японской буржуазии. Перспективы стратегического созревания Японии и восстановления равновесия в союзе с США также забуксовали.

Сегодня можно сказать, что *кризис порядка* возобновил обе игры: как в рамках Атлантического альянса, так и в отношении японо-американского договора о безопасности. Германия и Япония движутся к ракетному перевооружению и не только, и это влияет на баланс сдерживания, на их положение *пороговых ядерных держав* и на европейские перспективы совместного ядерного зонтика Берлина с Парижем и Лондоном. Это *беспрецедентность*, но также и возвращение к нерешённым стратегическим дилеммам 1980-х годов.

(продолжение на стр. 2)

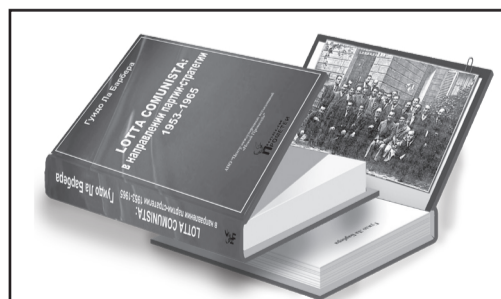
Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Содержание

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БЕСПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ	стр. 1
Германское перевооружение и европейское перевооружение	стр. 2
“Зелёный курс” в видении Драги.....	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Доклад Драги – план для Европы-державы.....	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
Воспроизведение отсталости.....	стр. 5
<i>Крупные группы российского империализма</i>	
Железные дороги запоздалого капиталистического восхождения	стр. 6
<i>Хроники шёлкового пути</i>	
Потерянное десятилетие ЕС и США в пользу Китая	стр. 7
Выборы в Мексике и транзит власти	стр. 8
Коалиционные ограничения для Нарендры Моди	стр. 9
<i>Выборы в США</i>	
Скрытая конвергенция на почве промышленной политики.....	стр.10
<i>Издательская новинка</i>	
Битва за интернационализм	стр.11
Палестинский вопрос в цепочке конфликтов на нестабильном Среднем Востоке.....	стр.12-13
<i>Крупные группы США в 2023 году</i>	
Растущая американская экономика сталкивается с глобальным экономическим и военным перевооружением.....	стр.14-15
Слепые и зрячие	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Страницы истории рабочего движения

Социал-демократия и аграрная политика	стр. I
Социал-демократия и аграрная политика	стр. II
Ревизионизм	стр. III
Всеобщая стачка и социал-демократия	стр. IV

Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Германское перевооружение и европейское перевооружение

(начало на 1 стр.)

Фолькер Штанцель был послом в Китае и Японии с 2004-го по 2013 год и вице-президентом DGAP, немецкого общества внешней политики. Его книга *“Die ratlose Aussenpolitik”* (“Дезориентированная внешняя политика”) была опубликована в 2019 году, до нападения России на Украину. Однако текст представляет интерес, поскольку в нём документально подтверждается доминирующая сейчас в Германии на высшем уровне оценка недостаточности и откровенного кризиса экономической основы послевоенной внешней политики, проводимой Бонном, а затем Берлином. Штанцель добавляет, что именно успех воссоединения, казалось бы, подтвердил это направление, в то время как эта стратегическая цезура должна была бы, напротив, предложить его пересмотр.

Субъективистский тезис о коллективных ошибках и промахах является официальной вулгатой в Германии и международной прессе, но он не может удовлетворить материалистический анализ. Следует признать, что кризис, а затем распад СССР имели эффект проигранной Москвой мировой войны, в результате чего российская стратегическая угроза исчезла. Берлин действительно считал, что его экономистская доктрина *Wechsel durch Handel* (изменения через торговлю) подтвердилась с лихвой. Но в стратегическом уровне воссоединение было обусловлено подтверждением и укреплением принуждений и гарантий Атлантического альянса. И в экономическом плане убежденность Берлина была объективно обоснована открывающимися на Востоке рынками для его машин и капитала, многократно возросшим потенциалом *Ostpolitik*, основанной на обмене российского газа на немецкие инвестиции, а в Азии – пространствами, которые новый импульс либеристского цикла подтверждал в Китае. В конце концов, и Дэн Сяопин в Пекине пришёл к выводу, что российская катастрофа позволяет ускорить политику *реформ и открытости* в связке с глобализацией.

Тройная зависимость, в которой в связи с войной на Украине Германия и Европа упрекали себя – от Соединённых Штатов в плане безопасности, от российских трубопроводов в плане энергоносителей и от Китая и азиатских рынков в плане экспорта – стала основой тридцатилетнего цикла, в котором ЕС присоединил Восточную Европу, а Германия умножила свой торговый профицит и экспорт капитала, оперируя сетью пересекающихся союзов и альянсов с Вашингтоном, Парижем, Москвой и Пекином. Можно понять, что это подтвердило и продлило линии и идеологии, понимаемые в марксистском смысле *действительного ложного сознания*, которые возникли после поражения в империалистической второй мировой войне и последовавших за ней десятилетий стратегической карликовости: именно политическое использование экономической силы в практике *Wechsel durch Handel*, миф о патриотизме марки во время послевоенного *экономического чуда*, *Ordnungspolitik*, столь преданная бюджетной ортодоксии.

Это помогает объяснить две загадки сегодняшней берлинской политики, не будучи в состоянии их разрешить. Первая заключается в том, почему прави-

тельства Гельмута Коля и Герхарда Шрёдера, а особенно долгое правление Ангелы Меркель, допустили своего рода одностороннее разоружение бундесвера, который ещё в годы правления Гельмута Шмидта в качестве министра обороны и канцлера утвердился в качестве крупнейшей конвенциональной силы Атлантического альянса в Европе. Данных по танкам, которые сократились с 4000 в 1980-х годах до чуть более 300 сегодня, достаточно, чтобы засвидетельствовать реальное истощение военного аппарата, на преодоление которого потребуются от пяти до десяти лет. Конечно, можно вспомнить диалектический материализм Фридриха Энгельса, когда он заметил, как *идеологии, возникающие из действительного движения*, могут в свою очередь стать *действительными силами*: либеральный экономизм, возникший в послевоенном цикле и подтверждённый после воссоединения Германии, окончания ялтинского раздела и нового импульса глобализации, в конечном итоге подавил и задушил реалистические размышления о балансе сил.

Но и в этом случае не избежать констатации и загадки *стратегической неадекватности*, которую следует записать на счёт прежде всего канцлерства Ангелы Меркель. Среди российских аналитиков до войны 2022 года постоянно звучали суждения о *«стратегическом легкомыслии»* или *«фриволивности»* Германии и ЕС, занятых трудоёмкой консолидацией Евросоюза, слишком зависимого от мультилатерализма и штиля в отношениях между великими державами.

Вторая загадка касается самой украинской войны и связана с военной атакой на Киев со стороны российского империализма. Стратегический расчёт Владимира Путина неясен, и не видно причин для того, чтобы рубить сук, на котором сидела Россия, – очень давних отношений с Германией и ЕС, где обмен газа на капитал был взаимовыгодным. Действительно, в Берлине война сразу же привела к *Zeitenwende*, провозглашённой канцлером Олафом Шольцем. Смена эпох была санкционирована началом перевооружения на 100 миллиардов евро, инициативой “Европейский небесный щит” (ESSI), закупкой истребителей F-35 в США, решением установить ракеты средней дальности американской системы *Turboop* в ожидании европейской ракетной системы, согласованной с протоколом *European Long-Range Strike Approach (ELSA)*¹, стратегическим диалогом о *европейском сдерживании*, дополняющем НАТО, начатым с президентом Франции Эмманюэлем Макроном.

Но почти фаталистическое чувство капитуляции, с которым Германия отреагировала на катастрофу полувекowego курса *Ostpolitik*, остаётся загадкой, как и то, как перенесла настоящий акт войны со взрывом на Балтике газопровода “Северный Поток – 2”, организованный Киевом при польском соучастии и предсказуемом американском молчаливом согласии. Геополитические константы можно отодвинуть на задний план, но их нельзя стереть; кажется предпринятым, что *русская партия*, в течение пятидесяти лет являвшаяся противовесом атлантической и европейской связи, рано или поздно заявит о себе.

Два текста помогают связать новую гонку перевооружения Германии и противостояние по поводу *европейского сдерживания* с дилеммами ядерной обороны и двойственностью американских гарантий, которые на протяжении десятилетий вызвали вопросы во Франции и Германии, а также настойчиво взывали к необходимости франко-германской оси. В книге *“France, Germany and nuclear deterrence”* собраны материалы двух международных конференций по историческим исследованиям 2015 и 2016 годов, но введение редакторов – Никола Бадаласси и Фредерика Глориана – актуализирует проблемы атлантических отношений до кануна *украинской войны* и немецкого *Zeitenwende*.

Основной тезис – критика прочтения голлистской или *«голлитско-миттеранской»* ядерной политики только в национальном ключе. Во Франции *force de frappe*² питала *«отчасти иллюзорную»* идею полного восстановления стратегической независимости; в Западной Германии отсутствие национальных сил сдерживания в сочетании с очевидной непреодолимостью разделения Германии *«усиливало восприятие экзистенциальной зависимости от Соединённых Штатов»*. Если эта *«диссимметрия»*, по мнению авторов, *«является основой разного ядерного опыта Франции и Германии во время холодной войны»*, то новые документы и архивные источники ведут к пересмотру доминирующего прочтения Франции, нацеленной на *«сохранение стратегического превосходства над Германией»* и предотвращение её возвращения в качестве *«крупной военно-политической державы»*. Нелинейный и прерывистый процесс сближения Парижа и Бонна напротив выявил бы *«ограниченный ядерный ревизионизм»*, мотивированный нетерпением по отношению к *«би-полярной архитектуре безопасности»* и разделению Европы и Германии.

В этом свете Фредерик Бозо, историк из Университета Париж III Новая Сорбонна, пишет, что в конце 1989 года Франсуа Миттеран и Гельмут Коля были близки к *«соглашению о ядерных консультациях»*; по мнению Эгона Бара, который был стратегическим умом, стоявшим за *Ostpolitik* Вилли Брандта, немцы *«близко подошли к признанию возможности создания европейской системы обороны на основе французских сил сдерживания»*. Именно крушение Берлинской стены и распад СССР отодвинули этот вопрос на второй план, оставив франко-германское стратегическое сближение незавершённым; в этом смысле *«конец холодной войны наступил слишком рано»*.

Сборник эссе *“Germany and nuclear weapons in the 21st century”* под редакцией Ульриха Кюна из гамбургского института IFSH придерживается противоположной точки зрения и считает, что дебаты в Париже и Берлине о *«европейских силах сдерживания»*, основанных на французских *force de frappe*², и тем более гипотеза о *«немецких национальных силах сдерживания»*, не *«соответствуют реальности»*. По мнению Кюна, в Германии не существует реальных дебатов о *«расширенном сдерживании»*, гарантированном Францией, и в любом случае немецкие размышления остаются *«односторонними»*, и никак не затрагивают французов. Берлин недостаточно *«ясно понимает»*, что во

французском мышлении *«ядерный вопрос имеет центральное значение»*, начиная с того, что *force de frappe* были задуманы как *«чисто национальные»*. Что касается *немецкой бомбы*, то верно, что Германия уже сейчас могла бы создать *«ограниченное количество ядерного оружия за короткое время»*, но это нарушило бы Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года и соглашение 1990 года о воссоединении, подписанное в формате 2 + 4. Немецкие силы сдерживания стали бы сигналом того, что Берлин *«готов отступить от своей собственной истории в отношении НАТО, ЕС и воссоединения»*. Немецкое распространение не было бы принято Парижем, Лондоном и Варшавой; возможность целенаправленной ядерной программы против России со стороны *«центральной державы»* Европы могло побудить Москву принять во внимание возможность *«упреждающего удара»*, чтобы предотвратить его.

Несмотря на свой скептицизм, Кюн вынужден констатировать, что война на Украине вновь поместила вопросы сдерживания и обороны в центр немецкой политической повестки дня, позиции в пользу *«европеизации force de frappe»* стали множиться, особенно в рамках ХДС-ХСС. В примечании Кюн отмечает два аспекта, которые могут способствовать принятию Германией обязательств в этом направлении. Один из них носит политико-правовой характер. В ноте о присоединении к ДНЯО Германия прямо предусматривала *«возможный будущий европейский вариант сдерживания»*; *«будущее европейское объединение»*, особенно после создания *«Европейского союза»*, обладающего атомным оружием, не будет нарушением принципа *нераспространения*. Другой аспект касается военного производства. Берлин *«мог бы сделать ставку на объединение определённых военных возможностей стран ЕС, таких как обогачивание урана, компоненты раннего предупреждения и ракетные технологии»*.

Двойственность статуса Германии в отношении *ядерного порога* регулярно использовалась для того, чтобы сигнализировать США о необходимости гарантированного и надёжного *расширенного сдерживания* в рамках НАТО; в условиях американских колебаний, возвращение разрозненных слухов о *«немыслимой» немецкой бомбе* может послужить этой цели. Напротив, общий пул военных компонентов сдерживания будет означать европеизацию этого *порогового условия*, и в ракетной области это уже имеет политическую основу в виде протокола ELSA и промышленного чемпиона в виде группы MBDA.

В Японии борьба в Либерально-демократической партии за наследование поста Фумио Кисиды не оспаривает переворот, предпринятый Синдзо Абэ, и происходит быстрее, чем в Европе. Но в зеркальном отражении немецкого и японского перевооружения наличие французских и британских сил сдерживания и их неявная связь с европейским ракетным перевооружением являются специфическим преимуществом Берлина и ЕС перед Токио.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

1 – Европейский подход к нанесению дальних ударов.

2 – Сил ядерного сдерживания.

“Зелёный курс” в видении Драги

В 2015 году Европейский союз принял стратегию, призванную сдвинуть с мёртвой точки экономику континента, страдающую от последствий мировых кризисов – финансового и долгового. ЕЦБ под председательством Марио Драги пересёк Рубикон в январе того же года, запустив первую европейскую программу количественного смягчения, связанную с монетарным стимулированием экономики и снижением процентных ставок. В США Федеральная резервная система Бена Бернанке взялась за это уже с конца 2008 года.

В то же время Европейский совет воспользовался возможностью, предоставленной 21-й Конференцией ООН по вопросам изменения климата, и возглавил борьбу за «спасение планеты» от последствий климатических изменений. Речь шла о том, чтобы открыть новый цикл промышленных и инфраструктурных инвестиций в Европе, закрыть главу жёсткой экономии и начать навёрстывать отставание от американской экономики, которая росла вдвое быстрее, чем европейская. В декабре 2015 года было достигнуто Парижское соглашение, объединившее участников 177 стран с целью мобилизации крупных объёмов капитала для строительства “зелёной экономики”. Пекин прекрасно понял природу климатического сражения и в мае 2015 года запустил десятилетний план технологической модернизации своей промышленности “Made in China 2025”.

План повышения конкурентоспособности Европы

Почти десять лет спустя, когда Брюссель сталкивается с противоречивыми бюджетами на осуществление “Зелёного курса” и обвиняется в установлении непродуманных сроков и недооценке промышленных и социальных издержек, по просьбе Урсулы фон дер Ляйен Драги представляет детальный доклад – план промышленной политики, призванный спасти «будущее европейской конкурентоспособности». Реализация промышленной политики, которую Драги предпочитает называть «промышленной стратегией», осложняется эрозией “зелёного” консенсуса, охлаждённого пандемией и возросшими тратами на войну, развязанную Россией у порога Европы.

Европа предстаёт в анализе Драги лишённой основного источника энергии – российского газа, и имеющей также и другие слабости: более низкую концентрацию капитала по сравнению с Соединёнными Штатами, более слабые исследования и инновации, следовательно, более медленный рост производительности, недостаток природных ресурсов, незрелые рынки капитала, 27 фискальных политик, отсутствие координации в реструктуризации, неэффективные процессы принятия решений после расширения ЕС, неспособность использовать континентальный масштаб, отсутствие связующего звена в виде общего долга на Европейском едином рынке, сильная зависимость от мирового энергетического рынка и рынка цифровых технологий, отсутствие интеграции и эффекта масштаба в оборонной промышленности. Война превратила двойной переход в тройной – энергетический, цифровой и военный – и подтолкнула ЕС к мобилизации европейского частного и государственного капитала, чтобы выдержать конкуренции двух крупных и воинственных империалистических соперников.

Драги анализирует все эти факторы, ставящие Европу в невыгодные условия, но основную озабоченность бывшего главы ЕЦБ, о чём он постоянно

говорит уже более десяти лет, вызывает неполный союз 27 суверенных государств, незавершённые единый рынок и банковский союз, а также соврагистская близорукость. И это несмотря на утверждение единой валюты, которая остаётся для Драги символом политической воли и потенциала континента.

Декарбонизация с препятствиями

Сосредоточимся на некоторых аспектах электрического перехода, которые занимают центральное место в докладе Драги. Обязательная отправная точка – разница в ценах на энергоносители. Сегодня ЕС преодолел чрезвычайную ситуацию, связанную с коллапсом российских поставок, но цены на газ в Европе по-прежнему в 4–5 раз выше, чем в США. Розничные цены на электроэнергию в 2–3 раза выше, чем цены в США и Китае. Тяжёлым бременем является не только отсутствие европейских источников энергии, но и неоднородность национального регулирования: в острой фазе кризиса разрыв в ценах на электроэнергию между государствами союза колебался от более чем 250 евро до практически 100 за мегаватт-час.

Решающим испытанием для европейского перехода Драги называет декарбонизацию, поскольку она может иметь два противоположных результата. Декарбонизация производства, транспорта и всех видов деятельности будет играть роль катализатора для инноваций только при условии «совместного плана по декарбонизации и конкурентоспособности». Без этой координации «существует риск того, что декарбонизация будет противоречить конкурентоспособности и экономическому росту». В «глобальном импульсе» против выбросов углерода ЕС занимает лидирующие позиции в таких секторах, как производство ветряных турбин, электролизёров и низкоуглеродного топлива; 22 % валового конечного потребления энергии в ЕС обеспечивается возобновляемыми источниками энергии, в то время как в Китае эта доля составляет 14 %, а в США – 9 %. К 2030 году ЕС хочет достичь 42 %.

Процесс будет непростым. Во-первых, снижение стоимости экологически чистой энергии не дойдёт сразу же до потребителей, поскольку решающее значение в формировании цен, по крайней мере до конца десятилетия, будет иметь ископаемое топливо. Можно сделать вывод, что сектор возобновляемых источников энергии выиграет от дифференциации доходов, которая увеличит норму чистой прибыли, а конечные цены будут соответствовать ценам на природный газ.

Во-вторых, по данным Европейского инвестиционного банка, высокие затраты на электроэнергию представляют собой серьёзное препятствие для инвестиций и, следовательно, роста производительности для половины европейских компаний; в США таких фирм только 20 %.

В-третьих, декарбонизация стоит денег, особенно в Европе, которая является единственной страной, на законодательном уровне установившей обязательства по сокращению выбросов парниковых газов как минимум на 55 % к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года и поставившей перед собой не обязательную цель по сокращению выбросов к 2030 году на 50 % по сравнению с 2005 годом. Китай хочет достичь пика выбросов CO₂ к концу десятилетия. Эти различия приводят к «огромным краткосрочным инвестиционным потребностям» компаний ЕС. По оценкам, декарбонизация обойдётся четырём наиболее энергоёмким секторам (химическая про-

мышленность, производство цветных металлов, неметаллические полезные ископаемые, бумага) в 500 млрд евро в течение следующих 15 лет.

В-четвёртых, Драги осуждает «асимметричную декарбонизацию», то есть тот факт, что ЕС, в отличие от Китая и США, не предоставил своим компаниям адекватной поддержки для реализации принятых климатических мер. Наиболее важным аспектом является то, что ЕС в автомобильном секторе «применяет климатическую политику без промышленной», и здесь проблема не только в недостаточных стимулах, но и в существенной задержке с установкой зарядных станций.

Стратегическая развилка

В-пятых, всё более острой становится конкуренция со стороны Пекина. По данным ЕЦБ, Китай сейчас напрямую конкурирует с экспортёрами еврозоны в 40 % секторов, тогда как в 2002 году таких секторов было 25 %. Пекин реализует «мощное сочетание промышленной политики и массированных субсидий, быстрых инноваций, контроля над сырьём и способностью производить продукцию в континентальном масштабе». Промышленная политика США и Китая, по мнению Драги, представляет собой «мультиполитическую стратегию», в которой переплетаются внутренние стимулы, торговая политика борьбы с конкурентами и политика защиты цепочек поставок. Брюсселю будет трудно реализовать подобную стратегию, так как она потребует «высокой степени координации между национальными политиками и политикой ЕС [...] из-за его сложной структуры управления и медленного и дезагрегированного процесса разработки политики».

Европа, которая взяла на себя ещё одно обязательство, приняв закон о прекращении использования двигателей внутреннего сгорания для новых легковых и коммерческих автомобилей с 2035 года, оказалась на распутье. С одной стороны, она могла бы воспользоваться более низкими ценами китайской продукции, а также перепроизводством в Китае солнечной энергии, аккумуляторов и электромобилей: «Увеличение зависимости от Китая может предложить самый дешёвый и наиболее эффективный путь к достижению наших целей по декарбонизации». С другой стороны, она должна учитывать, что «китайская государственная конкуренция также представляет угрозу для наших чистых технологий и автомобильной промышленности». «ЕС стоит перед возможным компромиссом», – говорит Драги. Чтобы декарбонизация стала двигателем роста, «нам понадобится совместный план, охватывающий как отрасли, производящие энергию, так и те, которые способствуют декарбонизации, такие как экологически чистые технологии и автомобильная промышленность». Такой план «может включать в определённых обстоятельствах оборонительные торговые меры [...] в соответствии с новой стратегией экономической безопасности ЕС».

Драги знает, что как в торговле, так и на войне оборонительные меры могут трансформироваться в наступательные, и пытается уберечь Европу от протекционизма и от «подражания подходу США, [которые] систематически исключают китайские технологии». «Чтобы избежать ловушек протекционизма [...] защитные меры не должны применяться систематически. Они должны отличать подлинные инновации и улучшения, которые выгодны Европе, от конкуренции, поддерживаемой

государством. [...] Пошлины не должны создавать порочные стимулы».

Драги предлагает применить эти принципы в своей «смешанной стратегии». Там, где Европа сильно отстаёт от конкурентов, имеет смысл импортировать необходимые технологии, диверсифицируя поставщиков. В том случае, если ЕС не доверяет какой-либо стране, но принимает её технологическую продукцию, необходимо поощрять прямые инвестиции в Европу, сочетая это с пошлинами на импорт самих продуктов, как уже происходит с различными автомобильными брендами. Там, где существует стратегический интерес в гарантировании ноу-хау европейским компаниям, необходимо привлекать новые инвестиции, используя местные стимулы и продвигая европейский технологический суверенитет через совместные предприятия. Полная защита должна быть предложена лишь «зарождающимся секторам».

Гигантские планы Маршалла

Доклад Драги призывает к дополнительным инвестициям на весь переходный период в размере около 800 млрд евро в год, чтобы поднять долю инвестиций в ВВП ЕС с 22 до 27 %. Это цена, которую ЕС должен заплатить при столкновении с «экзистенциальным вызовом». Эти данные были предоставлены Еврокомиссией: в феврале прошлого года Кристин Лагард привела разбивку: 620 млрд евро на “зелёный” переход, 125 млрд евро на цифровой переход, 75 млрд евро на перевооружение (последняя цифра получена из расчёта 2 % ВВП, согласно требованию НАТО).

В день презентации доклада Драги немецкая ассоциация промышленников VDI представила своё исследование о состоянии промышленности Германии, которое в целом следовало канве доклада Драги, но добавляло важные акценты. Во-первых, высказывались сожаления о структурных потерях немецкой промышленности: «Covid и энергетический кризис привели к коллапсу промышленного производства, особенно в высокоэнергетических секторах [...], в то время как уже наблюдалась продолжающаяся стагнация инвестиций». В докладе говорится, что «Германия должна заново изобрести себя как индустриальная нация. [...] Ей требуется программа промышленной политики и самые крупные усилия по трансформации со времён послевоенного периода». Эти усилия требуют «огромной инфраструктурной программы» для электрического перехода, инвестиций во «все варианты декарбонизации», «глобального наступления цифровизации», решительного прекращения «чрезмерного регулирования Европейского союза». VDI призывает к инвестициям в размере 1,4 трлн евро к 2030 году, то есть в среднем 230 млрд евро в год, или чуть менее 30 % от суммы, представленной в законопроекте Драги.

VDI демонстрирует более статистический подход, требуя, чтобы правительство обеспечило 1/3 ожидаемых инвестиций, в то время как Драги предлагает государствам взять на себя 1/5 часть общего бремени, а на частный капитал оставляет 4/5. Но чтобы заставить частных лиц инвестировать 4 % ВВП, Драги требует снижения процентных ставок на 250 базисных пунктов. Два единогласно принятых снижения ставок ЕЦБ в июне и сентябре, вероятно, уже отражают этот импульс, а также открывают путь для снижения ставок ФРС. Возможно, это первый кредит доверия докладу среди широко распространённого скептицизма.

Европейские хроники

Доклад Драги – план для Европы-державы

9 сентября Марио Драги представил свой доклад "Будущее европейской конкурентоспособности", подготовленный по поручению Еврокомиссии. Документ призван дополнить опубликованное в апреле исследование Энрико Летты о будущем единого рынка, но превосходит его по глубине и масштабу. Бывший председатель ЕЦБ оценивает текущее состояние ЕС, находящегося в относительном упадке по сравнению с Соединёнными Штатами и Китаем, и формулирует план в 170 пунктах, с помощью которого Европа может вернуть себе конкурентоспособность.

Его рекомендации затрагивают области, которые можно подразделить на четыре уровня: стратегический узел вопросов позиционирования по отношению к США и Китаю; функционирование европейских властей; отношения между последними и национальными государствами; и, наконец, вопросы поддержки компаний в десяти секторах, определённых как «стратегические».

На момент написания статьи состав новой комиссии фон дер Ляйен был только что представлен и ещё не приступил к выполнению обязанностей, поэтому трудно предсказать, какое влияние окажет на неё доклад Драги. Однако появляется всё больше признаков того, что линия бывшего председателя ЕЦБ станет компасом для новой комиссии. В любом случае, он интересен для нас как потенциальный ориентир в процессе определения генеральной линии европейской буржуазии. В своём докладе «неофициальный главный технократ континента», как его называет *The Economist*, разрабатывает стратегическую повестку дня для европейского империализма, борющегося как с восхождением Китая, так и с новым Вашингтонским консенсусом, в котором «национальная безопасность» всё больше доминирует над либеристскими принципами предыдущего цикла.

Преодоление отставания ЕС

По словам Драги, ЕС отстаёт от своих основных конкурентов главным образом потому, что производительность его экономики растёт слишком медленно. Это связано с недостатком инноваций и инвестиций. Кроме того, внешние условия, способствовавшие его процветанию, – бурно растущая международная торговля, доступные энергоносители и зонтик безопасности Соединённых Штатов, – рухнули.

Если ЕС не сможет повысить свою производительность в будущем, когда впервые экономический рост не будет поддержан увеличением численности населения, «он не сможет финансировать свою социальную модель» и будет вынужден умерить амбиции. Поэтому Европа не сможет стать одновременно «лидером в области новых технологий, маяком климатической ответственности и независимым игроком на мировой арене».

Чтобы ответить на этот «экзистенциальный вызов», необходимы масштабные инвестиции. В докладе повторяется оценка Комиссии, согласно которой для реализации тройного перехода – электрического, цифрового и военного – потребуется как минимум 750–800 миллиардов евро в год. Это беспрецедентный уровень, эквивалентный 4,4–4,7 % ВВП ЕС, что намного выше уровня инвестиций в 1–2 % по плану Маршалла в 1948–1952 годах. Частный капитал легче мобилизовать в рамках союза рынков капитала и банковского союза, но, по крайней мере, пятая часть этой суммы должна исходить от государственных органов. Помимо расши-

рения и переориентации бюджета ЕС, Драги предписывает регулярно выпускать общие долговые обязательства. Однако это потребует «более строгих фискальных правил», чтобы держать национальный долг под контролем.

Внешнеэкономическая политика

Драги хочет привнести в "Зелёный курс" дозу прагматизма, чтобы совместить декарбонизацию и конкурентоспособность. Он также считает, что необходимо провести реформу правил конкуренции: нужно меньше осторожничать и создавать больше возможностей для формирования европейских чемпионов. Кроме того, следует уменьшить вес бюрократии, которая сдерживает экономическую подвижность.

Доклад не означает полный отказ от принципов либеризма и многостороннего подхода, а скорее санкционирует рассмотрение и других точек отсчёта. В некоторых областях стоит придерживаться либеризма, в других нужно предоставлять поддержку и защищаться от иностранной конкуренции. Государственная помощь должна быть в большей степени сконцентрирована на уровне ЕС, чтобы финансирование промышленной политики было последовательным, сфокусированным на десяти стратегических секторах. Согласно отчёту, ЕС должен объединить свою международную торговую политику, промышленную политику и политику в области конкуренции в единую «внешнеэкономическую политику». Однако для того, чтобы Союз мог координировать все эти инструменты, необходимы институциональные реформы. В настоящее время система управления слишком сложна и слишком неповоротлива по сравнению с системой управления США или Китая, «глобальных конкурентов, которые могут действовать в виде единых государств, с едиными геоэкономическими стратегиями и согласовывая действие всех необходимых политических инструментов».

Институциональные реформы

В идеале это потребовало бы внесения поправок в Договор о функционировании ЕС, но, как утверждается в докладе, многие улучшения могут быть достигнуты и без этого. Во-первых, принятие решений в Совете квалифицированным большинством, а не единогласно, может быть достигнуто путём применения оговорки к статье 48(7) Договора о Европейском Союзе ("bring-ing clause"). Однако такое решение всё равно требует единогласного голосования. Если это окажется недостижимым, второй возможностью будет продвижение вперёд через «расширенное сотрудничество». Договор предусматривает, что группа, состоящая не менее чем из девяти членов, может принять решение об углублении интеграции без участия других стран.

Последний вариант – межправительственное сотрудничество. По словам Драги, необходимость ускорения оправдывает издержки перехода к модели ЕС в виде «концентрических кругов» в качестве «первого шага для достижения большей интеграции 27 стран-членов».

Хрупкость в Париже и Берлине

«Драги прав в том, что касается масштабов проблемы», – комментирует *Financial Times*, но газета лондонского Сити выражает сомнения в том, что амбиции, изложенные в докладе, могут быть реализованы. Франция и Германия «переживают сложности с нестабильными коалиционными правительствами, которые могут помешать

ПЛАН ПЕРЕОБОРУЖЕНИЯ

По мнению Марио Драги, десять стратегических секторов, на которых должна быть сосредоточена промышленная политика ЕС, – это энергетика, критическое сырьё, цифровизация и передовые технологии, включая высокоскоростные и высокопроизводительные широкополосные сети, вычислительную технику и искусственный интеллект, полупроводники, энергоёмкие отрасли, чистые технологии, автомобилестроение, оборона, космос, фармацевтика, транспорт.

Решающее значение с точки зрения стратегии имеет план обороны. Возвращение войны в непосредственной близости от ЕС и тот факт, что его союзник, Соединённые Штаты, «потенциально может сосредоточиться на огромных просторах Тихоокеанского кольца», означает, что Союз должен брать на себя «большую ответственность за свою оборону и безопасность». В нынешнем геополитическом контексте Европе «также придётся столкнуться с серьёзным вопросом ядерного сдерживания».

Проблема заключается в «структурной слабости оборонного сектора ЕС». Европейские государственные расходы «недостаточны для текущего геополитического контекста», оборонная промышленность «слишком раздроблена, а её возможности слишком скудны». Координация и стандартизация недостаточны, но до сих пор государства-члены сопротивлялись консолидации и интеграции оборонной промышленной базы. А действующие европейские правила конкуренции могут стать дополнительным препятствием.

Необходимо создать должность комиссара по оборонной промышленности и укрепить позиции Комиссии в координации промышленной политики в этом секторе. Органами, которые должны взять на себя эту задачу, должны быть Еврокомиссия, Европейская служба внешних связей (EEAS) и Европейское оборонное агентство (EDA). Цели должны быть определены в ходе переговоров между министрами иностранных дел и обороны стран-членов ЕС. Европейское управление оборонной промышленности должно централизовать закупки оборонного оборудования, отдавая предпочтение европейскому производству. Для развития потенциала европейской оборонной промышленности и финансирования совместных исследовательских программ новые ресурсы должны исходить от финансовых рынков.

прогрессу в решении европейских вопросов», а «экономные страны Северной Европы всё ещё осторожничают в вопросах увеличения расходов или выпуска общего долга» (10 сентября). Во Франции новому премьер-министру Мишелю Барнье с трудом удалось сформировать правительство, а низкие результаты трёх партий, входящих в правящую коалицию Германии, на региональных выборах в Саксонии и Тюрингии в начале сентября подчёркнули их хрупкость.

Подъём Союза Сары Вагенкнехт (BSW), получившего 15 и 12 % голосов в Тюрингии и Саксонии соответственно, а также победа Альтернативы для Германии (АдГ) в Тюрингии (33 %) и второе место в Саксонии (31 %) вызвали беспокойство и даже панику. АдГ включает в себя неонацистские течения, обе партии отстаивают позиции против иммиграции, против ЕС и против поддержки Украины. Однако *The Economist* сглаживает опасения: Тюрингия и Саксония составляют всего 7 % населения Германии и не оказывают влияния на внешнюю политику страны (1 сентября).

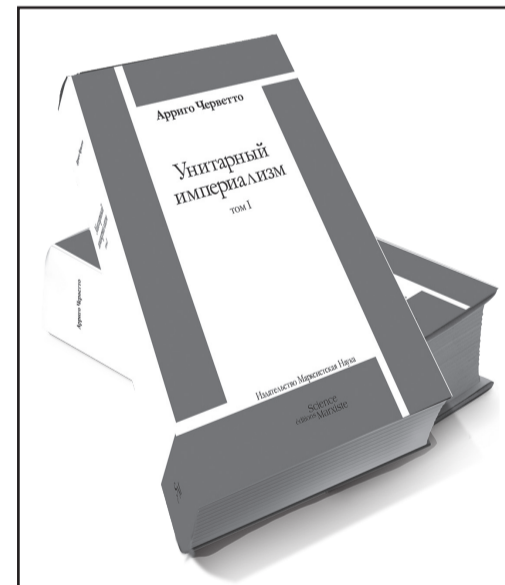
Согласно *Le Monde*, Эммануэль Макрон поддерживает рекомендации Драги, но, по мнению газеты, «президент очень ослаблен, и кажется маловероятным, что у Франции есть средства, чтобы вложить политический капитал в этот проект» (11 сентября). В Германии министр финансов Кристиан Линднер (СвДП) и лидер оппозиции Фридрих Мерц (ХДС) выступили против новых совместных долговых обязательств. Признаки одобрения плана Драги, однако, исходили из рядов «зелёных» и социал-демократов.

Показательный факт: всего через день после презентации доклада Федерация немецкой промышленности BDI представила свой собственный, в котором в тревожных тонах заявила о необходимости инвестиционного плана на 1,4 триллиона евро к 2030 году. Государство должно будет взять на себя треть расходов, при необходимости прибегая к новым «долговым компонентам». Будет ли инвестиционный спрос немецкой промышленности требовать европейской стратегии, предложенной Драги, или же он не выйдет за рамки национального уровня? В более широ-

ком смысле вопрос будет заключаться в том, не помешает ли хрупкость власти в Париже и Берлине амбициозному плану бывшего главы центрального банка.

В конечном итоге, есть и те, кто не исключает, что именно слабость правительств Франции и Германии может дать больше простора инициативам европейских институтов.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Арриго Черветто
УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Российские хроники

Воспроизведение отсталости

10 сентября в интервью «Ведомостям» первый заместитель председателя правительства, отвечающий за экономическую сферу, Денис Мантуров обратил внимание на то, что только за прошлый год и первое полугодие нынешнего численность работников ВПК выросла более чем на 600 тыс. человек. При этом, поскольку «рынок труда всё ещё остаётся дефицитным», стоит задача «повышения производительности труда, в основном за счёт технического перевооружения предприятий и увеличения автоматизации процессов». По словам Мантурова, в 2023 г. производительность труда в ВПК уже выросла на 18 %. В то же самое время, «восполнение резервов техники», потерянной в войне на Украине, займёт не менее 3–4 лет.

К тому же Россию «преследуют санкции». С Объединённой авиастроительной корпорацией перестал работать «целый пул зарубежных поставщиков», что потребовало замещения 36 систем флагманского проекта среднемагистрального пассажирского самолёта МС-21. Впрочем, однозначно, что дело тут не только в санкциях, поскольку серийное производство самолёта предполагалось начать ещё в 2016 г.

Что делать?

Исторической парадигмой догоняющего развития российского капитализма было использование сырьевых ресурсов – леса, пеньки, зерна, а затем нефти и газа – в качестве источника пополнения казны. Полученные за счёт этого средства не только обменивались на станки и технологии, но и позволяли поддерживать социальную стабильность и геополитические амбиции, финансируя военные расходы и внешнеполитические проекты. Разрыв связей с Европой вынудил российский империализм резко ускорить разворот на Восток, фактически толкнув Москву в удушающие объятия Пекина. Кремль делает хорошую мину при плохой игре, выдавая этот стратегический кошмар российской буржуазии за продуманный выбор, идеологически используя такие объективные факты как относительный упадок Запада и восхождение Азии.

У России, заявляет Мантуров, «есть историческая возможность полностью поменять облик» промышленности. Причём Кремль не желает «искусственно закрывать рынок от импорта», а намерен «создавать условия для того, чтобы инвестиции в локализацию производства в России были более выгодными по сравнению с прямым ввозом техники». Сделать это без изменений во внешней политике будет крайне непросто.

Углеродная зависимость

В докладе «Долгосрочные тренды российской экономики. Сценарии экономического развития России до 2020 года», опубликованном в 2005 г. Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), нынешний министр обороны Андрей Белоусов, указывал на то, что в 2001–2002 гг. в России сложился экспортно-сырьевой тип экономического роста, около 60 % прироста ВВП обеспечивало увеличение физического объёма и рост мировых цен на углеводороды. Из 7 % роста ВВП в 2003–2004 гг. примерно 3 процентных пункта (п. п.) дало физическое увеличение объёма экспорта нефти и газа, 1,5 п. п. принёс рост мировых цен и лишь 2,5 п. п. были связаны с внутренними факторами. Год спустя

они давали уже менее 2 п. п. экономического роста. В связи с этим Белоусов делал вывод о том, что уход от экспортно-сырьёвого типа экономики является императивом устойчивого роста. В докладе выдвигались четыре долгосрочных сценария развития: сверхиндустриальная модернизация с формированием рублёвой зоны (Россия, Украина, Казахстан, Белоруссия и др. ближе зарубежье), бросок в глобализацию, экономический изоляционизм, энергетический аутизм. Под последним Белоусов понимал исключительную заикленность на одном лишь секторе углеводородов.

«Философский пароход»

Всё это отсылает к дебатам, последовавшим за распадом СССР.

В ноябре 1991 г. была создана аналитическая группа Внешнеполитической ассоциации, более известная как «Группа Бессмертных», по имени её создателя, министра иностранных дел СССР с 15 января по 28 августа 1991 г. Этот клуб пытался осмыслить положение и задачи российского империализма после распада СССР. Тематика дискуссий была обширной: «Россия: накануне изоляции?», «Собирание земель» и реинтеграция постсоветского пространства, «Расширение НАТО на Восток» и др. Участниками группы были экономисты Андрей Белоусов и Андрей Клепач, ультраконсервативный политик Сергей Кургиян, политтехнолог Кремля Глеб Павловский, идеолог «Русского мира» Пётр Щедровицкий, либеральный философ Алексей Кара-Мурза, главный спичрайтер всех трёх президентов России Джахан Поллыева, философ и геополитик Вадим Цымбурский и др. Координатором группы был философ Сергей Чернышев. Именно он в 1992 г. начал подготовку издания трёхтомной хрестоматии «Иное. Путеводитель», определив её как «философский пароход, который возвращается на родину».

Образ путешествия в пояснении: в 1922 г. из Петербурга в Штеттин (Германия) отправились пароходы, на которых Советскую Россию покидали высланные из неё оппозиционные интеллигенты. Лев Троцкий в интервью американской журналистке Анне Луизе Стронг назвал эту акцию «гуманизмом по-большевистски»: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно».¹

Общественное бытие определяет сознание людей, их волю, их желания и стремления – такова истина исторического материализма. В 1922 году сознание, воля и устремления идеологов буржуазии определялись тем, что они чувствовали себя «лишними людьми» в стране диктатуры пролетариата. Однако Октябрьская революция была подавлена сталинизмом, выражением государственного капитализма. Семьдесят лет спустя экономисты-«ветераны» того цикла ощутили себя демиургами перехода от государственного капитализма к циклу империалистического либерализма.

Самосознание технологической отсталости

На обложке вышедшего в 1995 г. из печати трёхтомника «Иное. Путеводитель», красовался подзаголовок: «Хрестоматия нового российского самосознания». Издание открывала статья Андрея Белоусова «Структурный кризис советской индустриальной систе-

мы». В ней будущий министр обороны писал, что в результате радикального реформирования российской экономики после распада хозяйственных связей СССР, начавшегося «с шокового скачка оптовых и потребительских цен и ужесточения бюджетной и монетарной политики», не только произошло «усиление кризисных тенденций», но и качественно изменился их механизм: «Резкое дефляционное сжатие спроса обусловило переход от ресурсно-ограниченной к спросо-ограниченной модели воспроизводства». В результате экономика попала в стагфляционную ловушку: «Возник глубокий разрыв [...] между сжатием спроса и фактическим сокращением производства». В 1992 г. он оценивался в 12–14 п. п. При этом, «кризисные явления последних лет [...] скрыли и отодвинули на второй план глубинные тектонические процессы, имеющие начало в структурно-технологической неравновесности советской экономической системы и в исчерпании потенциала её роста».

Причины заключались в том, что «начиная с 60-х годов советская экономика испытывала постоянное давление военных расходов, которое [...] достигло особо крупных масштабов в 1981–1985 гг. [...] К концу 80-х годов доля расходов на оборону в ВВП [...] составила около 15 %». Это вело к сужению «экономического пространства для развития гражданского машиностроения»: «В середине 80-х годов в относительно молодом техническом парке лёгкой и пищевой промышленности, где доля оборудования старше 20 лет составила соответственно 11 и 4 %, удельный вес оборудования, не отвечающего современному уровню и подлежащего замене, достиг 43 и 39 %. При этом 40–60 % потребности этих отраслей в машинах и оборудовании покрывалось за счёт импорта». Таким образом, «сложился порочный круг расширенного воспроизведения технологической отсталости». Период 80-х годов Белоусов характеризует как «десятилетие упущенных возможностей».

В порочном кругу

В качестве выхода из ситуации, которая грозила глобальным отставанием от стран Запада, Белоусов, рассматривавший пять сценариев среднесрочного развития – инерционный, жёсткой финансовой стабилизации, потребительски-ориентированный, производственно-ориентированный, инфляционно-инерционный – отдавал предпочтение предпоследнему, который должен был к 2000 г. обеспечить выход «на траекторию устойчивого роста [...] с темпом 6 % в год». Но даже в случае реализации этого сценария не удалось бы отыграть предыдущего падения: к 2000 г. ожидалось достигнуть 90 % от предкризисного уровня мощностей и менее 80 % промышленного производства. Реализацию сценария должны были обеспечить «стимулирование экспорта и защита внутреннего рынка за счёт управляемого снижения валютного курса», «расширение государственного финансирования экономики до 10–12 % ВВП», что грозило ростом бюджетного дефицита и неконтролируемой инфляцией. Иными словами, предлагалось прибегнуть к рецептам Фридриха Листа.

Сценарий остался нереализованным. В 1990-е годы происходило падение промышленного производства.

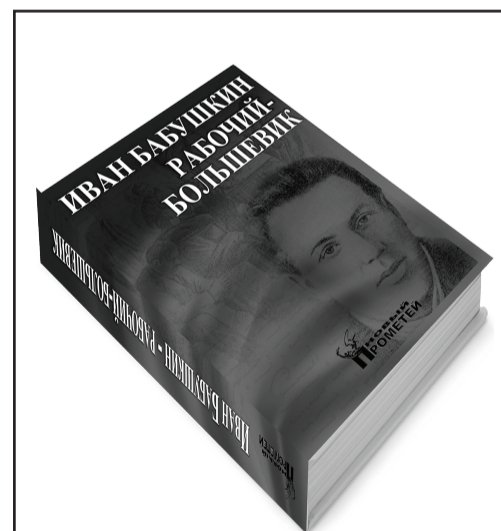
Нижняя точка была достигнута в 1998 г., когда объём промышленного производства составил только 45,7 % от уровня 1990 г. Не было ни одной отрасли, в которой не произошло бы резкого спада производства, но в самом тяжёлом положении оказалась лёгкая промышленность – там падение составило 86,7 %. По сути, было утрачено собственное станкостроение, его доля в мировом секторе сократилась до 0,5 %. В Санкт-Петербурге, центре станкостроения, производство металлорежущих станков сократилось с 3128 штук в 1990 г. до 56-и в 2000-м. Серьёзной проблемой стало старение оборудования. Если в 1990 г. доля оборудования со сроком службы до 5 лет составляла почти 30 %, то к 2000 г. – лишь 4,7 %. Одновременно с 25,8 до 56,8 % возросла доля оборудования со сроком эксплуатации 16 лет и выше.

В итоге в 1998 г. Россия производила промышленной продукции по отношению к США 8,2 %, к Германии – 36 %, Франции – 60 %, Великобритании – 73 %. В этих условиях, писал Белоусов в докладе 2005 г., консервация экспортно-сырьевой модели ведёт к потере экономической и политической субъектности, а сценарий «нового изоляционизма» – к накоплению технологического отставания. Там же делался прогноз о сокращении населения на 8–10 % за каждое пятилетие после 2010 г.

В условиях войны на Украине Кремль рапортует о высоких темпах экономического роста. Расширяются ли возможности Москвы в конкуренции держав? На этот вопрос ответит ключевое десятилетие империалистического противостояния. При этом, возрастающие трения и напряжение этого десятилетия способны ускорить время созревания пролетарского авангарда.

Сентябрь 2024 г.

1 – Цит. по: Хрестоматия по истории России: 1917–1940. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.

ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Крупные группы российского империализма

Железные дороги запоздалого капиталистического восхождения

К началу 1921 г., после завершения основной фазы Гражданской войны, железнодорожный транспорт России находился в катастрофическом состоянии: было непригодно к использованию около 80 % сети, разрушено свыше 400 паровозных депо и мастерских, около 3 тыс. стрелочных переводов, более 5 тыс. гражданских сооружений. По сравнению с довоенным 1913 г. грузооборот упал почти в 6 раз, а пассажирооборот – почти в 4 раза.

Несмотря на то, что Октябрьская революция потерпела поражение, она радикально устранила основные факторы, сдерживавшие взлёт капитализма в России, и даже такое препятствие, как почти полное разрушение ж/д инфраструктуры, не могло остановить высвобожденные капиталистические силы. Их политической оболочкой и стал сталинизм. Темпы экономического развития в 1930-е гг. не являются признаком строительства социализма, а лишь отражают масштаб и потенциал капиталистического развития, скрывавшийся за отсталой надстройкой царизма.

“Период реконструкции”

Уже к 1928 г. восстановление железных дорог было завершено. При этом значительно выросла грузонапряжённость: так, в 1926–1932 гг. грузооборот вырос в 2,6 раза, а эксплуатационная длина сети – только на 8 %. В годы 1-й пятилетки (1928–1932) был достигнут локальный пик ввода новых ж/д: 6 тыс. км, около 80 % которых пришлось на национальные республики и отдалённые окраины.

Направление нового ж/д строительства в 1-й пятилетке детерминировалось созданием крупных промышленных комбинатов, в частности Магнитогорского и Урало-Кузнецкого, а также необходимостью усиления транспортных связей Средней Азии и Сибири, Казахстана и центра России. Крупнейшей новостройкой была Туркестано-Сибирская магистраль (Турксиб) протяжённостью 1.442 км, введённая в эксплуатацию в 1931 г. Она соединила Сибирь и Среднюю Азию, способствовала экономическому развитию районов Казахстана, Киргизии, Узбекистана. По ней в Среднюю Азию шёл сибирский хлеб, лес, кузнецкий уголь, а в обратном направлении – нефть, хлопок, шерсть. К этому же периоду относится сооружение меридиональной линии Золотая Сопка – Карталы – Орск, которая связала Южный и Северный Урал и обеспечила поступление угля на Магнитогорский металлургический комбинат.

Во 2-й пятилетке, 1933–1937 гг., основная часть средств снова была направлена на реконструкцию уже существующих ж/д линий: с 1935 по 1940 г. рельсов сменили на 28 % больше, чем за предшествующие 15 лет; к 1940 г. ж/д сеть России выросла в 1,5 раза, а Казахстана – в 4 раза против аналогичного показателя 1917 г.

Только к середине XX в. СССР получил более или менее качественную транспортную связность и начал переживать тот процесс, который передовые страны прошли в XIX в. Это создало основу для настоящего вовлечения СССР в международную торговлю. Но это произошло с большой задержкой. Россия, будучи слабо связанной с основными морскими торговыми путями, – неслучайно Маркс заметил, что «без Петербурга и Одессы [Российская империя] представляет собой великана с отрубленными руками»¹, – как никто другой нуждалась в обшир-

ной сети железных дорог. Без них только прибрежные районы могли торговать друг с другом с помощью судов, а благодаря поездкам в мировую экономику вовлекались и внутренние районы.

Вековое проклятие

СССР занимал в мировой торговле в основном место поставщика сырья и покупателя машин и оборудования, а направления торговли во многом определялись уже сложившейся ж/д инфраструктурой. Ведущим торговым партнёром была Германия, которая потеряла эту роль лишь на короткий период после прихода к власти нацистов в 1934–1939 гг. Но уже в 1940 г. уровень товарооборота превысил показатель 1933 г. Это произошло после подписания коммерческого договора 19 августа 1939 г. – всего за 4 дня до более знаменитого Пакта Молотова – Риббентропа. В договоре речь шла о поставках из СССР в Германию 1 млн т зерна, 900 тыс. т нефти, по 500 тыс. т фосфатов и железной руды, 300 тыс. т чугуна, 100 тыс. т хрома, сотням тонн меди, цинка, никеля, вольфрама и другого стратегического сырья. Ж/д эшелоны исправно шли в Германию вплоть до её вторжения в СССР 22 июня 1941 г. Москва же получала станки, силовые агрегаты и образцы вооружения.

Даже в 1960-е гг., когда СССР стал 2-й страной в мире по ВВП и объёму промышленной продукции, он был лишь 7-м по величине внешнеторгового оборота. Товарная структура экспорта почти не изменилась. Как отмечает Григорий Ханнин, она «соответствовала скорее высококоразвитой развивающейся стране (типа Мексики или Бразилии), чем супердержаве, претендовавшей на мировое лидерство» (Экономическая история России в Новейшее время ТТ. 1–3. 2008–2014).

100 лет спустя после 1913 г. в структуре экспорта России доминировали практически в той же пропорции те же две товарные группы (около 54 %) – нефть (33 %) и нефтепродукты (21 %), а в структуре импорта – машины и оборудование (48,5 %).

Подготовка к войне

Ещё одним фактором была константа военного фактора.

Апологеты Сталина любят иллюстрировать его “мудрость”, ссылаясь на фразу 1931 г. о необходимости для СССР нивелировать отставание от передовых стран на 50–100 лет в течение 10 лет. Однако понимание приближения войны не было его прерогативой. Так, репрессированный им Михаил Тухачевский ещё в июне 1926 г. инициировал “Положение о подготовке к войне в период”, утверждённое в августе Советом труда и обороны. Одним из столпов мобилизационной подготовки и одной из первых отраслей экономики, в которых она начала реализовываться, стал ж/д транспорт.

Уже во время второй мировой войны модернизированная и разросшаяся ж/д сеть позволила СССР получить существенную поддержку союзных США: свыше 50 % грузов по ленд-лизу оттуда поставлялись по дальневосточному маршруту – по морю до Владивостока, Петропавловска-Камчатского, Магадана, Находки и Хабаровска, а затем через весь СССР по железной дороге.

Без транспортной революции

В Российской империи и СССР железные дороги централизованно строились

государственным капиталом как логистически близкая к оптимальной сеть без значимого дублирования. Это частный случай *этактистской закономерности капиталистического восхождения*.

Однако, к примеру, в США, которые не нуждались в том, чтобы догнать передовые страны, и не опасались военного столкновения, развитие железных дорог происходило по совершенно другому сценарию: в XIX в. строительство ж/д линий было прерогативой дельцов частного капитала, которые ожесточённо конкурировали между собой (часто одни рельсы принадлежали одной компании, а вторые – другой, и локомотивы также принадлежали разным хозяевам), что привело к созданию избыточной сети с множеством дублированных путей. Многие из них впоследствии не выдержали конкуренции и были заброшены или разобраны. В 1950-е гг. при президенте Эйзенхауэре США начали строить общегосударственную сеть автодорог с единым стандартом – интерстейты, которые в 1960-е гг. наряду с реактивной авиацией и сетью малых аэропортов озаменовали начало упадка железных дорог, и именно эти отрасли государство считало более перспективными, осуществляя в них значительные вложения.

В ведущих державах железные дороги повсеместно вытеснялись более эффективными, особенно на коротких расстояниях, автомобилями. Но к СССР это не относилось. Сложилась ситуация, характеризующая степень экономической слабости страны: «С одной стороны и Россия, и СССР отставали по густоте железных дорог от большинства развитых стран, с другой стороны, заменить их было нечем» (The Moscow Times, 21.11.2023). Сегодня Россия остаётся единственной старой державой, в которой доля ж/д транспорта в перевозках грузов составляет более 85 %, тогда как в США на него приходится около 35–40 %, а в ЕС последние 10 лет она стабильно меньше 6 % и продолжает сокращаться. При этом в США автоперевозки превышают ж/д примерно на 20 %, а в ЕС – в 4 раза.

Российская модель строительства и концентрации собственности в ж/д отрасли в определённый момент дала свой положительный эффект с точки зрения общей конкурентоспособности в мировом противостоянии, однако, чем дальше, тем больше нарастающая экономическая неэффективность отрасли ложилась тяжёлым бременем на экономику страны.

Миф о “золотом веке”

Грузонапряжённость на железных дорогах СССР в 5–6 раз превосходила американскую, доля порожнего пробега вагонов была на 30–40 % меньше, чем в США (27–28 % против 45–49 %). При этом в 1980-х гг. имела место характерная процедура: для выполнения показателей грузооборота и оборота вагона в последние дни месяца гоняли составы со щебнем и песком с одной станции на другую по несколько раз. В итоге “плановые” показатели выполнялись. Но в капиталистической конкуренции держав имеет значение экономическая эффективность, а не показатели сами по себе. Поэтому в действительности гораздо большее значение имеет тот факт, что в СССР спрос на перевозки не удовлетворялся, и промышленные

предприятия систематически жаловались на дефицит вагонов.

Министр путей сообщения СССР в 1977–1982 гг. Иван Павловский в своих мемуарах “Моя дорога” (2002) вспоминал: «В ходе поездки [в США] мы поняли, что наши железные дороги по своему техническому оснащению отстают лет на 50». В СССР, застрявшем в этактистском цикле, возникали катастрофические, с точки зрения экономической эффективности, ценовые искажения. Василий Селюнин в статье 1990 г. “Нерв экономики” отмечал: «В США стоимость угля удваивается при перевозке его на 600 километров. Заказчик, раньше чем обратиться к дальнему поставщику, посчитает хорошенько, не купить ли топливо подороже, но поближе. У нас удвоение стоимости угля происходит при переброске его на четыре тысячи километров. Плата за перевоз [в США] в шесть-семь раз ниже [чем в США]. И получается [...], что электростанциям выгоднее завозить в Донбасс сибирский уголь, нежели потреблять местный. И завозят...».

Реструктуризация, призванная привести отрасль в соответствие с либералистскими тенденциями мирового рынка, была неизбежна.

Сентябрь 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 7. С. 227.

Степанов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
“Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала”
(из книги: Архив К. Маркса и
Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Хроники шёлкового пути

Потерянное десятилетие ЕС и США в пользу Китая

Взлёт китайского дракона сотрясает прежние глобальные договорённости и заставляет державы напрягать все силы, чтобы ответить на вызов, брошенный новым разбойником на мировом рынке и в системе государств.

Европа и Америка осознают фактор времени: Китай вырывается вперёд по самым различным направлениям, причём скорее, чем ожидалось; в Европе ощущается необходимость ускориться также и по отношению к США. Доклад Марио Драги о конкурентоспособности Европы подводит итог стратегическому соперничеству с обоими основными конкурентами. Об этом мы рассказываем на другой странице газеты. В китайских дебатах Чэнь Вэйхуа, главный корреспондент *China Daily* в Брюсселе, даёт смелую оценку китайскому ускорению.

Отчёт, — пишет Чен, — «в некотором смысле является признанием феноменальной трансформации Китая за последнее десятилетие в сторону более устойчивой и инновационной экономики. Сам факт того, что Китай упоминается много раз и что ЕС теперь видит огромный разрыв не только с США, но и с Китаем, говорит о многом».

Десятилетие китайской реструктуризации повлияло на международные отношения сил. «Десять лет назад, когда Китай объявил о своём стратегическом повороте от количественного экономического роста, опирающегося на инвестиции, к высококачественному развитию, опирающемуся на инновации, мало кто воспринял это всерьёз. Сегодня Китай стал мировым лидером в области исследований и разработок, возобновляемых источников энергии [...] и новых энергетических транспортных средств. Темпы изменений неумолимы».

Пример электромобиля

Электромобиль, представляющий собой результат множества промышленных и социальных отношений, является примером темпов и масштабов китайского вторжения. Фэн Кайдун из Пекинского университета пишет об этом в журнале *Вэньхуа Цзунхэн*: учитывая размеры нового китайского рынка и его беспрецедентную комбинацию с широкой электрификацией, Китай открыл «новое глобальное сражение в автопроме», отличное от предыдущих, которые вели три крупнейших соперника послевоенного порядка — Германия, Япония и Корея.

Автор предупреждает, что китайский автомобиль «появился не за пределами поля зрения» старых групп, поскольку китайский рынок культивируется международным капиталом с 1980-х годов; В начале 2000-х годов государство «взяло на себя лидерство в производстве электромобилей», но с 2015 года «многочисленные циклы сокращения государственных субсидий» привели к селекции среди китайских групп, и «рыночный механизм успешно принял эстафету»; наконец, по мнению Фэна, протекционизм «выскальзывает время», но в конце концов старым группам придётся договориться с Китаем, чтобы получить от него инвестиции и технологии, а также доступ на новый рынок.

Потерянное десятилетие Америки

В более широком вопросе соотношения сил Роберт Блэквилл и Ричард Фонтейн в книге *“Lost Decade”* (“Потерянное

десятилетие”) подводят критические итоги американского поворота: перенос акцента на конкуренцию в Азии, инициированный администрацией Обамы, «запоздал на десятилетие» перед лицом восхождения Китая. Авторы работали в Совете национальной безопасности Джорджа Буша-младшего и считают, что «поворот» мог начаться именно тогда, если бы от него не «отвлекла» война с терроризмом. Блэквилл был послом в Индии; Фонтейн сменил Викторину Нундланд в 2019 году на посту директора Центра новой американской безопасности, одного из аналитических центров «поворота», затеянного Мишель Флурнуа и Куртом Кэмпбеллом.

В том виде, в каком он был задуман, «поворот» оказался бы слишком трудным для восприятия американской властью, которую отвлекает целый ряд осложнений, возникающих на других театрах — от войны в Ираке до войны в Украине, — и поляризация во внутренней политике. Один из важнейших аспектов касается военной техники, развёртывание которой в Азии задерживается.

В своём анализе, заметим, Блэквилл и Фонтейн подчёркивают те особенности американской политической культуры, которые предполагают рассматривать соотношение сил с точки зрения ресурсов, и предполагают в этом смысле корректировку поворота, которую можно выразить формулой «склониться к Индо-Тихоокеанскому региону, но без разворота». В США, пишут они, «тенденция отдавать приоритет одному вопросу регулярно повторяется во внешней политике»; в истории «обычно требовались серьёзные внешние потрясения» или «стесняющие события», чтобы сфокусировать внутренний консенсус и «повернуть большой государственный корабль»; Китай проверяет, «способна ли такая демократия, как США, предвидеть вызовы [...] и скорректировать курс до того, как поворот будет спровоцирован кризисом».

Скачок 2010-х, решающие 2020-е годы

Главный тезис книги — американское отставание, а именно «потерянное десятилетие» по отношению к Китаю: «Вашингтон упорно недооценивал китайский вызов»; фактически, «не говоря прямо о прошлом потерянном десятилетии», администрация «стала называть текущее десятилетие “решающим” в соперничестве с Китаем», что подтверждает диагноз авторов: «пока поворот находился в стагнации, Китай поднимался».

Китай ускорился сразу после мирового финансового кризиса 2008 года: «убедившись в вековом упадке Америки», Пекин приступил к модернизации своего флота, авианосцев, истребителей нового поколения, атомного и ракетного арсенала и космической гонки; Дракон «методично изменял баланс военных сил в прилегающих водах», возводя форпосты на островах Спратли и Парасельских островах, а затем и ряд портов и опорных пунктов в Индийском океане. Наконец, «пока США пропагандировали “поворот к Азии”, Китай расширился» на Среднем Востоке и в регионе Персидского залива, то есть там, где США ослабили внимание, «полностью выведя войска из Ирака в 2011 году».

«В 2010-х годах, когда Китай планомерно наращивал свою мощь и влияние в Азии и во всём мире, стратегический

ответ США был относительно небольшим. Практически не было ни разворота США из других регионов в Азию, ни значительного увеличения бюджетных ресурсов для Индо-Тихоокеанского региона, что давало китайским лидерам большое пространство для манёвра. Неадекватная реакция Вашингтона укрепила их веру в то, что США находятся в долгосрочном упадке, отвлечены и разделены, и не способны к новой Большой игре. В Азии многие страны пришли к аналогичным выводам, сомневаясь в американских обязательствах, надёжности и твёрдости».

Обвинения Блэквилла и Фонтейна призваны повлиять на следующего президента. И Дональд Трамп, и Джо Байден исправили ситуацию, начав «торговую войну» с Китаем и подготовив ряд военных соглашений с азиатскими игроками. Появление в США «двухпартийного беспокорства по поводу Китая» предоставляет широчайшие «возможности» для выработки последовательной внешней политики.

Азия — пороховая бочка империалистического развития

Китайский эксперт Чжэн Юннан, опираясь на тезисы книги Блэквилла и Фонтена, бьёт тревогу среди течений американской партии в Гуандуне: именно возвышение соперника в лице Китая является истинной причиной американского «поворота» и демонстрирует «гегемонистскую волю» США. Вашингтон из-за собственного «потерянного десятилетия» вынужден усилить конфронтацию с Пекином.

По мнению Чжэна, декана факультета «новой открытости» Гонконгско-Шэньчжэньского университета, «дезинтеграция послевоенного порядка» превращает Азию в «пороховую бочку». Почему именно Азию? «За тридцать лет до Первой мировой войны Европа показывала стремительное развитие»; сегодня «экономическое развитие» сместило «центр мировой экономики», и настала «очередь Азии»; как и в Европе в начале XX века, «мир в Азии крайне хрупок», и «под поверхностью экономической независимости конкуренция между азиатскими странами беспрецедентна»; послевоенный порядок, в котором доминирует американская внешняя сила, «быстро скатывается к войне». Более того, США теперь стремятся «сдержать» Китай.

По мнению Чжэна, американские ориентиры не однозначны, но Пекин должен рассмотреть все сценарии. Поэтому дебаты о войне необходимы и в Китае. В *Global Times* Чжэн предупреждает, что «возможность мировой войны, возможно, была недооценена. Если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию, то региональные войны с участием нескольких стран, в частности крупных держав, уже начались». Война на Украине и война в Газе поставили вопрос об Азии. Участие держав «придало этим локальным конфликтам затаянный характер, которого никто не ожидал». Следующая война кризиса порядка может быть азиатской.

2020-е годы и азиатская война

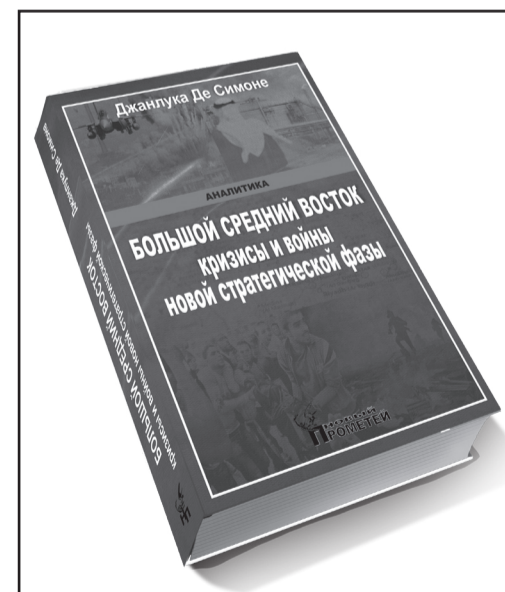
Перевооружение Поднебесной империи не переходит механически в политику войны, но является ключевой страховкой перед лицом азиатских двадцатых годов. «Вопрос войны и мира должен вернуться в стратегическое видение Ки-

тая», пишет Ань Ган в материалах, опубликованных Центром международной стратегии и безопасности, который был основан в 2018 году послом Фу Ином в Университете Цинхуа. Ань Ган, редактор журнала МИДа *World Affairs* и выходец с дипломатической службы, пишет о «тревожном и вдохновляющем дискурсе [...]», который вернулся в официальную дискуссию спустя полвека, — дискурсе «мировой войны», реалистически оцениваемом в Пекине.

Хотя ни одна держава «на самом деле не планирует начинать» такую войну, «международное сообщество, похоже, идёт на ощупь». Автор вспоминает «сомнамбул» 1914 года: и сегодня в Азии, в Европе, в Америке перевооружение продвигается неумолимо. Конфликты на Украине и в Газе, перевооружение Германии и Японии, американская неопределённость — всё это взрывоопасные элементы. Но «паника мировой войны в международном дискурсе» также «культивируется» в политических целях: на Западе и в Азии — для оправдания военных расходов, в России — «для устрашения противников», в Америке — для придания значимости «китайской угрозе». А в Китае? Происходит мутация: тридцать лет назад Пекин начал «мирное восхождение», сместив «акцент на экономическое развитие, реформы и открытость»; в последние «десять лет» «изменения, невиданные в течение столетия — китайский *Zeitenwende* — доминируют в корректировке внешней и внутренней политики». С одной стороны, Китай не должен позволить себе «увлечься риторикой» перевооружающихся держав; с другой стороны, Пекин всё равно будет вынужден готовиться к войне и, как минимум, вооружаться.

Поэтому перевооружение должно гарантировать от любого потенциального противника и от любого возможного развития кризиса порядка.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Выборы в Мексике и транзит власти

Мы публикуем статью наших испанских товарищей из газеты *El Internacionalismo*.

Идёт «самый крупный в истории электронный год» (*The Economist*), более половины населения планеты вызваны к урнам. Как и во многих других странах, в Мексике на первый план выходит проблема равновесия властей империалистической демократии. Это вопрос защиты плюрализма интересов доминирующих групп буржуазии и в то же время поиска их эффективной политической централизации.

Ребус властей

В книге «Crisi globale e ristrutturazione europea» (ed. Lotta Comunista, 2013), отталкиваясь от теоретических разработок Арриго Черветто о «плюралистической централизации» буржуазных интересов, мы подчёркивали, что централизация сама по себе в диалектике неравномерного экономического развития и неравномерного политического развития «никогда не решается окончательно»: «Каждая группа или фракция регулярно пытаются повлиять на политические власти или направить их в свою пользу; генеральная линия каждой метрополии империализма не возникает априори, а является результатом политического процесса, политической борьбы, которые находятся в постоянной динамике нарушений равновесия и корректировок. Это настолько верно, что ключевые в империалистическую эпоху функции, которые связаны с валютой, как правило, доверены отделённой и независимой монетарной власти центральных банков, защищённой от влияния частных интересов и случайных колебаний».

Глобальный кризис 2008 года вернул «на передний план теоретические вопросы империалистической демократии и неравномерного политического развития». Сегодня они на переднем плане во многих восходящих державах, но каждый отдельный случай необходимо анализировать, учитывая: конкретные уровни развития; институциональное устройство и политические традиции; партии, группы и даже личности, которые воплощают экономические и политические власти.

В Аргентине президент-«анархо-капиталист» Хавьер Милей в конце июня подписал «базовые законы», добившись от законодательной власти одного года чрезвычайных полномочий для проведения налоговых реформ и приватизации. В прессе истеблишмента звучат надежды, что Милей сможет частично преодолеть нарушения равновесия, накопленные за десятилетия со времён перонизма, но скептически относится к планам «долларизации» экономики, которые предполагают закрытие Центрального банка.

В Бразилии Лула то и дело конфликтует с монетарной властью по вопросу снижения ставок: президент хочет увеличить государственные расходы, но получает «предупреждения» насчёт налоговой дисциплины. В Турции Конституционный суд высказался против указа Реджепа Тайипа Эрдогана об отставке главы Центрального банка, которая не уступала под его давлением. *The Economist* празднует «триумф демократии» в Индии, где партия Нарендры Моди потеряла абсолютное большинство, что отныне обязывает её вести переговоры со многими политическими силами: «угроза автократии» предотвращена.

Морена – новая ИРП?

Мексика является второй по величине экономикой Латинской Америки, двенадцатой мировой державой по размеру ВВП по паритету покупа-

тельной способности (3 триллиона долларов) и десятой – по численности населения (почти 130 миллионов жителей). Прошедшие в июне президентские выборы вызвали как надежды, так и беспокойство касательно состояния молодой «демократии», выросшей из долгого переходного периода (1977–2000) после «71 года однопартийного режима» (*Financial Times*) Институционно-революционной партии (ИРП), основанной в 1929 году. Мексиканская и западная финансовая пресса опасается, что популярное движение «Морена» («Движение национального возрождения», основано в 2014 году), закрепившееся в правительстве на второй шестилетний срок, причём с квалифицированным большинством в Палате депутатов и абсолютным большинством в Сенате, может провести пакет конституционных реформ, которые усилят исполнительную власть в ущерб судебной и другим институтам. Учитывая грядущую передачу президентского кресла основателем Морены Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором (род. 1953, Тепетитан), иначе известным как АМЛО, его наследнице Клаудии Шейнбаум Пардо (род. 1962, Мехико), *The Economist* опасается «однопартийного правительства» Морены, которая будет иметь «широту власти, невиданную со времён падения ИРП».

В частности, газета переживает за экономическую политику в рамках энергетической и цифровой реструктуризации – так называемого зелёного перехода – и за роль, которую будут играть государственные предприятия и частные инвесторы. К этому добавляется тема безопасности: каждый год в Мексике совершается 30–35 тысяч убийств (полмиллиона с начала века), в основном связанные с организованной преступностью «наркос», что также является симптомом запоздалой модернизации, питающей политические нарушения равновесия. В ходе electoralной кампании, включавшей также выборы во все муниципалитеты (*аунтаменты*) и локальные правительства восьми штатов и города Мехико – порядка 20.000 назначений, – были убиты четыре десятка кандидатов, из них двое – в день выборов. Однако, пишет *El País* – испанская газета со своей редакцией и издательством в Латинской Америке, – «экономическая бонанза», обеспечивающая высокие социальные расходы, взяла верх над беспокоемством из-за насилия.

Два Обрадора ...

Страхи перед «национал-популистскими элементами» Морены уже отмечались во время избрания Обрадора («Пролетарский интернационализм» № 50. Октябрь 2018). Тогда мы обращались к оценке Альберто Нуньеса Эстеви, бывшего президента мексиканской конфедерации промышленности Сорагтех: есть «два Лопеса Обрадора: один – кандидат в президенты, другой – избранный президент»: «это два разных человека». Сегодня Сорагтех выступает в числе голосов, озвучивающих страхи за «юридическую безопасность» реформ, предложенных Обрадором, но в то же время, пишет мексиканская газета *El Financiero*, «положительно» оценивающих смену правительства и приход к власти Шейнбаум.

Несмотря на политическую близость с Бразилией Лулы, для Мексики именно она остаётся основным конкурентом в Латинской Америке. Но если Бразилия с проектом региональной интеграции МЕРКОСУР более ориентирована на Атлантику, то Мексика взра-

ИСТОКИ ШЕЙНБАУМ

Клаудия Шейнбаум добилась подавляющей победы. 36 из почти 100 миллионов имеющих права голоса проголосовали за неё – это на 6 миллионов больше, чем результат Обрадора в 2018 году, почти в два раза больше, чем результат её главной соперницы Ксочита Гальвес Русис (род. 1963, Тепатепек), и значительно больше прогнозов в соцопросах.

Мексиканская финансовая газета *El Economista* перечисляет факторы, определившие её победу: популярность, накопленная за годы правительства Обрадора (2016–2024), до 60 % на соцопросах; потеря престижа традиционными партиями, такими как ИРП, правая ПНА («Партия национального действия», исторический соперник ИРП) и ПАР («Партия демократической революции», 1989 – осколок левого крыла ИРП, из которого вышел и сам Обрадор). «Широкая национальная сеть» Морены, которая сегодня управляет двумя третями федеральных субъектов, в том числе столицей, охватывает три четверти населения.

Наконец, сыграл и сам образ Шейнбаум, «серьёзного кандидата» (*El Economista*), отличающегося сформированными за годы академической карьеры «кальвинистским трудолюбием и научной строгостью», благодаря которым она должна «принимать решения на основе данных» (*El País*). Она закончила бакалавриат по физике и магистратуру по энергетическому инжинирингу в Национальном автономном университете Мехико (НАУМ), аспирантуру по природоохранному инжинирингу в Беркли и активно участвовала в Межправительственной группе экспертов по изменению климата ООН, а затем вернулась в НАУМ для преподавания.

В её биографии присутствуют и страницы политического активизма. Со времён студенчества она входила в круги, которые были «кузницей кадров правительства АМЛО» (*Clarín*), а её мать – известный биолог Анни Пардо, исключённая из НАУМ за разоблачение резни студентов на площади в Тлателолько в 1968 году, где войска и полувоенные формирования, связанные с режимом ИРП, убили 44 человека.

В 1990-е годы она присоединилась к ПАР, а в 2014 году последовала за Обрадором в Морену. Будучи главой правительства округа Мехико (2000–2006), Обрадор назначил её министром окружающей среды. Десятилетие спустя Шейнбаум сама возглавила столицу (2018–2023), самый крупный город страны, в котором проживает 9 миллионов человек.

Она не только первая женщина-президент Мексики, но и, как подчёркивается, «первая из потомков евреев» на этом посту. «Родители её отца – из ашкеназов – эмигрировали из Литвы в начале XX века, а родители матери – из сефардов – бежали от нацистского Холокоста из Болгарии в 1940-е годы» (*Folha de S. Paulo*).

Российские историки Виктор и Лазарь Хейфецы («América Latina en la Internacional Comunista 1919–1943», Ariadna Ediciones, 2015) пишут, что её дед по отцу Хонас (настоящее имя Хуан Шейнбаум Абрамович) эмигрировал по экономическим мотивам сначала на Кубу, а затем в Мексику. Член Компартий обеих стран, он был исключён из КПМ в 1940 году, обвинённый в руководстве «фракцией, которая, как говорили, следовала директивам троцкистов», и реабилитирован в 1960 году после десталинизации.

щает собственный торговый альянс в направлении Пацифики.

Тем не менее, самый крепкие отношения по-прежнему связывают Мексику с Северной Америкой – ранее в рамках НАФТА, а ныне в рамках соглашения USMCA (США – Мексика – Канада) Дональда Трампа. Особенный вес имеет взаимопроникновение между автомобильной промышленностью США и мексиканскими «макиладорас» – ориентированными на экспорт фабриками с иностранным капиталом, которые напрямую обеспечивают три миллиона рабочих мест, половину промышленного сектора страны.

Ещё до выборов газета *Foreign Affairs* подчёркивала: «Мексика заменила Китай в качестве основного торгового партнёра Соединённых Штатов, с годовым оборотом более 900 миллиардов долларов». Стремление обеспечить большую «безопасность цепочек поставок» стимулировало прямые инвестиции в страну, которые составили «более 35 миллиардов в год в 2022 и 2023 годах и которые продолжают расти в 2024-м». Через посредничество Мексики США организуют цепочки поставок, задействующие всю Латинскую Америку, в «стратегических секторах», таких как «аккумуляторы большой ёмкости, электромобили, полупроводники и фармацевтика».

Когда в начале 2023 года Лула и тогдашний президент Аргентины перонист Альберто Фернандес предложили создать SUR – валютный союз для торговых отношений, Обрадор незамедлительно ответил: «По многим причинам мы должны продолжать ориентироваться на доллар».

... и четыре Шейнбаум

Как пишет *Foreign Affairs*, Обрадор не продвигал размещение промышленных мощностей в соседних странах, политику так называемого «ниаршинга» – слова, постоянно присутствующего в мексиканских дебатах. Шейн-

баум, напротив, будучи мэром столицы, показала готовность «сотрудничать с правительством США», по меньшей мере на фронте борьбы с «наркос» и по вопросам «безопасности», которая, добавим, в американской электоральной гонке цинично связывается с иммиграцией с Юга. С приходом нового президента возникает возможность «восстановить отношения между двумя странами», чтобы «усилить экономические связи» и «стимулировать зелёный переход в Мексике».

CFE (электричество) и PEMEX (угледорода) являются крупными государственными энергетическими компаниями. Обрадор ренационализировал часть производства электричества, снова сконцентрировав в руках государства контрольный пакет и развернув вспять реформу 2013 года, начатую при президенте Пенья Ньето из ИРП. По мнению *El País*, эта реформа является «смыслом существования» Морены, которую газета называет воплощением некоего «мексиканского перонизма». Шейнбаум, напротив, говорит о своей готовности к диалогу с участниками и поддерживает независимость Центрального банка.

Та же *El País* выдвигает гипотезу о четырёх этапах или «четырёх Клаудиях»: как кандидат она стремилась показать свою преемственность с Обрадором; как новоизбранный президент она уточнит налоговые поправки, которые она намерена осуществить; укрепившись в должности, она сформирует «переходный кабинет», который будет уважать наследие предыдущей политики; наконец, «четвёртая Клаудия примется за работу через 18 или 24 месяца, когда будет ощущать свой контроль над всеми кнопками президентской приборной панели».

Однако никто не говорит, что транзит от Обрадора к Шейнбаум поможет развеять сгустившиеся над Мексикой тучи нарушения равновесия.

Коалиционные ограничения для Нарендры Моды

«*Ab ki baar, 400 paar*»: на этот раз больше 400 мест. Таков был лозунг партии Бхаратия Джаната (БДП) на прошедших выборах в Лок Сабху, национальный парламент Индии. Недавно приблизившись к большинству в Раджья Сабхе, верхней палате, контролируя в ней 117 мест из 240, БДП стремилась к большинству в две трети голосов в обеих палатах сразу — своего рода психологический и политический порог, позволивший бы взять на себя роль учредительного законодательного собрания. Это стало бы венцом третьего срока правления Нарендры Моды, но лозунг БДП не встретил отклика в хиндуязычном сердце Индии. Карусель выборов континентального масштаба закончилась победой БДП, попавшей теперь в зависимость от коалиции с региональными партиями.

Как считает *Business Standard*, известная ежедневная газета из Мумбаи, штат Махараштра, речь фактически идёт о возвращении к индийской политической норме. Итоги выборов можно понимать под разными углами, учитывая специфические условия в штатах, где БДП вынуждена действовать в коалиции или уступает оппозиции. Однако «*есть основания утверждать, что коалиционное правительство в [федеральном] центре является частью естественного политического порядка Индии, и что последние десять лет на самом деле были отклонением*». С момента поражения Индийского Национального Конгресса (ИНК) Раджива Ганди в 1989 году Индией руководили коалиционные правительства, включая сюда также правительство меньшинства П.В. Нарасимхи Рао в 1991 году.

В этом смысле последнее десятилетие при Моды действительно выглядит исключением. Согласно *Business Standard*, «*индийские условия благоприятствуют коалициям*»: федерация штатов и территорий, более 1,4 миллиарда жителей, и по меньшей мере одиннадцать штатов с существенным присутствием региональных партий. Достаточно бегло взглянуть на политическую карту Индии.

Коалиция и восстановление баланса

Моды добился исторического третьего срока, встав в один ряд с Джавахарлалом Неру и Индирой Ганди в пантеоне премьеров-долгожителей, но общее настроение в индийских СМИ — ощущение конца эпохи, или, во всяком случае, что новый мандат окажется урезанным или, по крайней мере, отягощённым дополнительными условиями. С этим оттенком вышли первые комментарии по горячим следам от некоторых региональных изданий. Исполнительная власть БДП будет зависеть от таких партий, как Телугу Десам Парти (ТДП), ориентированная на модернизационную повестку партия из южного штата Андхра-Прадеш, и Джаната Дал (объединённая), шатающаяся между политическими лагерями региональная партия из Бихара на северо-востоке страны. Эти политические формирования упорно отстаивают интересы своих штатов и могут быть ненадёжными союзниками. То, в какой степени Моды сможет гарантировать приоритет своей общенациональной повестки для Индии, станет испытанием, за которым будет наблюдать международная пресса.

По мнению Кристофа Жафрело, специалиста по Южной Азии из парижского Центра международных исследований

(CERI), эти выборы могут знаменовать собой завершение политического цикла чрезмерной концентрации политической и экономической власти. При этом он считает, что возврата к децентрализации, наблюдавшейся при правительствах А. Б. Ваджпаи и Манмохана Сингха в период с 1998 по 2014 год, не произойдёт. Вероятным представляется рост роли главных министров — глав правительств штатов. В конце концов, движение в этом направлении наблюдается уже некоторое время.

На страницах ежедневной газеты *Indian Express*, выходящей в Уттар-Прадеше и Махараштре, Луиза Тиллин из Королевского института Индии в Лондоне, автор книги «Индийский федерализм», говорит о «*моменте для нового федерального пакта*», контуры которого, однако, размыты. Разумеется, выборы возвращают отношения со штатами на первый план. Кроме того, возвращение к коалиционному правительству с региональными партиями в составе, а также электоральная экспансия БДП на юге Индии и успехи оппозиции на Севере «*открывают возможности для перезагрузки федеральных отношений, но неясно, произойдёт ли это в действительности*».

Первые два срока Моды характеризовались централистской тенденцией, но в преддверии выборов напряжение в индийском федерализме стало очевидным: «*На карту была поставлена легитимность перераспределительной модели фискального федерализма, при которой налоги, собираемые в более богатых южных и западных штатах, перераспределяются в пользу более бедных северных штатов*».

Коалиционное правительство и расширение коалиции за счёт Юга может восстановить «*равновесие*», но нельзя с уверенностью сказать, что региональные партии примут эту формулу или что их присутствие в правительстве само по себе усилит защиту интересов «*всех*» штатов в противоборстве центру. Политическая практика правительства Моды также станет испытанием для новых «*серых кардиналов*» из Андхра-Прадеша и Бихара.

БДП проигрывает в поясе хинди на Севере

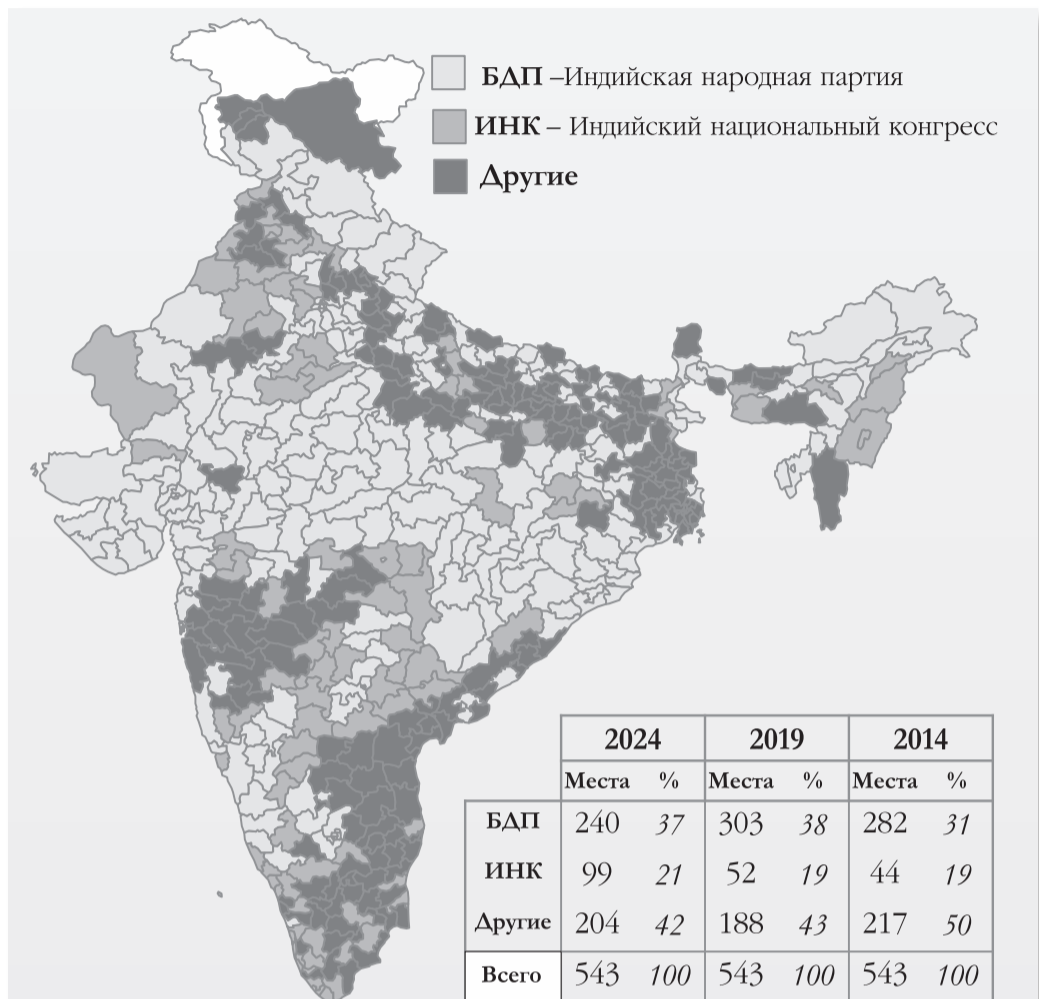
Спустя 30 лет после последнего крупного большинства в 404 места, полученного ИНК, в 2014 году БДП удалось в одиночку завоевать большинство в Лок Сабхе, получив 282 места. В 2019 году она получила 303 места. На этот раз — 240, и только благодаря 53 местам, полученным союзниками, она перешла порог большинства (273).

Результат определён колебаниями в двух крупнейших штатах — Уттар-Прадеше на севере и Махараштре, штате Мумбаи, на западном побережье. В этих двух ключевых штатах БДП потеряла 29 и 14 мест соответственно.

Пояс хинди является оплотом БДП: на последних двух выборах она выигрывала там почти 80 % мест. В этом раунде процент упал примерно до 60 %, чуть выше порога в 55 %, которого так называемая «*шафрановая партия*» достигла в конце 1990-х годов. Штат Уттар-Прадеш является эпицентром того, что многие комментаторы считают великим политическим землетрясением этих выборов.

Поражение в Уттар-Прадеше

Из 80 мест, за которые шла борьба, БДП получила только 33. На первом ме-

Источник: Battleground 2024: Lok Sabha Data Hub, *The Times of India*.

КОММЕНТАРИИ ИНДИЙСКИХ СМИ

«*Народ в центре событий. БДП должна быть более инклюзивной и конструктивной в своём подходе к государственному строительству*». *The Hindu*, Ченнаи (Тамилнад), 5 июня.

«*Перезагрузка коалиции. Новое правительство должно придерживаться консультационного подхода*». *Business Standard*, Дели и Мумбаи (Махараштра), 5 июня.

«*Удушающая тень исчезла, баланс восстановлен. По меньшей мере, результат пошатнул авторитет премьер-министра Моды. Эти выборы он сосредоточил на себе. Но сегодня он просто ещё один политик, чьё значение народ пересмотрел*». Прагап Бхану Мехта, Уттар-Прадеш и Махараштра.

«*Индия направляет БДП послание. Результаты демонстрируют, что она пользуется поддержкой большинства избирателей, но народ хотел бы, чтобы она изменила некоторые аспекты своего поведения и политики*». *Hindustan Times*, Нью-Дели.

«*Политика возвращается в прежнее русло. Коалиционное правительство БДП должно хорошо усвоить вердикт: фундаментальные основы имеют значение*». *Times of India*, Махараштра.

сте с 37 местами оказалась Самаджвади Парти (СП), крупнейшая региональная партия в штате.

По мнению многих комментаторов, антимуслиманская риторика, которую Моды использовал для расширения своей электоральной базы, возымела обратный эффект, способствовал консолидации разрозненных мусульманских голосов вокруг СП и, в меньшей степени, ИНК. В восточном Уттар-Прадеше и в некоторой степени в центральном Уттар-Прадеше, похоже, также сказался страх того, что заполучив большинство, БДП может вмешаться в политику позитивной дискриминации, которая предусматривает резервирование для отсталых каст и *далитов* доли рабочих мест в государственных учреждениях и учебных мест в университетах. Наконец, *The Times of India* также уделяет большое внимание отношениям, кото-

рые СП сумела выстроить между различными местными общинами.

Поражение БДП в Уттар-Прадеше приобретает особое значение, поскольку именно в этом штате Моды развернул в январе свою кампанию *хиндутвы*, с торжественным освящением храма Рамы, построенного в Айодхье. По мнению Аруна Пури, главного редактора журнала *India Today*, электоральная реакция свидетельствует о том, что шовинизм *хиндутвы* достиг своего предела. Прагап Бхану Мехта, бывший президент Центра политических исследований в Нью-Дели, однако, считает, что мобилизация индуистского электората помогла обеспечить третий срок, даже ценой поражения в Уттар-Прадеше. По мнению Мехта, без национально-религиозного призыва к сплочению Моды добился бы худших результатов.

Выборы в США

Скрытая конвергенция на почве промышленной политики

По данным аналитической компании Nielsen, шоу, приуроченное к последнему дню съезда Демократической партии 22 августа, которое транслировалось 15 телеканалами, посмотрели 26,2 млн зрителей, при этом пик в 28,9 млн пришёлся на финальный митинг с участием Камалы Харрис. Трансляцию последнего дня съезда республиканцев 18 июля посмотрели 25,4 млн зрителей, при этом пик в 28,4 млн пришёлся на выступление Дональда Трампа.

Съезд Демократической партии посмотрели в среднем 1,4 млн человек в возрасте от 18 до 34 лет, 5,2 млн в возрасте от 35 до 54 лет и 18,8 млн человек старше 55 лет, а съезд республиканцев – 1,3 млн человек от 18 до 34 лет, 4,9 млн от 35 до 54, 18,4 млн старше 55 лет.

По сути, оба съезда представляли собой шоу для пожилых зрителей, которые составили примерно 72 % от общей аудитории. В США 98 млн избирателей старше 55 лет, то есть 40 % от 244 млн человек, имеющих право голоса. Лица моложе 55 лет составляют 60 % избирателей, но только 25 % условных телезрителей относятся к этой возрастной группе. По данным Nielsen, прошедший 11 февраля Super Bowl (финал чемпионата профессиональной лиги американского футбола National Football League) посмотрели 123,7 млн человек.

Демографические изменения

Под поверхностью партийных телевизионных шоу действуют социальные силы. В американской политической системе победа в президентской гонке достигается большинством голосов выборщиков, а не голосов избирателей – только так можно обеспечить единство страны, состоящей из 50 штатов и занимающей почти 10 млн км² и 6 часовых поясов. Количество голосов выборщиков каждого штата соответствует числу его представителей в Конгрессе: два сенатора плюс члены Палаты представителей, количество которых равно количеству избирательных округов на территории штата, которое, в свою очередь, зависит от населения. Таким образом, количество голосов выборщиков определяет демография.

С течением времени политический вес каждого штата на президентских выборах значительно изменился. В 1950 году в штатах, расположенных в сердце США, в так называемом Хартленде, или Среднем Западе (в этой статье мы относим к этому географическому региону Западную Вирджинию, Теннесси, Кентукки, Айову, Иллинойс, Висконсин, Миннесоту, Миссури, Пенсильванию, Мичиган, Огайо, Индиану), проживали 59 млн жителей – на 23 % больше, чем население Юга и Северо-Запада вместе взятых (48 млн), за исключением штатов на побережье Тихого океана. 70 лет спустя, в 2020 году, в штатах Хартленда проживало 89 млн человек, а население южных и северо-западных штатов достигло 145 млн, то есть на 63 % больше, чем в Хартленде.

В 1932 году Хартленд имел 203 голоса выборщиков, а Юг и Северо-Запад – 189 голосов. В 2024 году ситуация перевернулась: последние имеют 242 голоса выборщиков против 140 у Хартленда. Именно в этом фундаментальном изменении и заключается сила Республиканской партии. То растиражированное СМИ упрощённое видение, будто бы борьба демократов и

	ВВП, %			Численность населения, %			Голоса выборщиков				
	1957	2021	Разность	1950	2020	Разность	1932	%	2024	%	Разность
СЕВЕРО-ВОСТОК	23,4	16,4	-7,0	19	13	-6	104	20	75	14	-29
ЮЖНАЯ АТЛАНТИКА	15,5	21,3	5,8	19	24	5	101	19	129	24	28
СЕВЕРО-ЗАПАД И ЮГО-ЗАПАД	11,6	18,5	6,9	13	20	7	88	17	113	21	25
ХАРТЛЕНД	35,3	24,3	-11,0	39	27	-12	203	38	140	26	-63
ТИХООКЕАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ	14,2	19,5	5,3	10	16	6	35	6	81	15	46
	100,0	100,0		100	100		531	100	538	100	7

Источник: наши расчёты.

республиканцев является столкновением прогрессистов и консерваторов, сегодня – Харрис и Трампа, затемняет и мистифицирует реальные факторы, лежащие в основе американской борьбы за политическую власть.

Промышленный кризис Хартленда

Когда-то Соединённые Штаты были ведущей промышленной державой мира, производя больше стали, автомобилей и потребительских товаров, чем любая другая страна мира. Но в 2010 году их превзошёл Китай, став крупнейшим в мире производителем промышленной продукции (*Financial Times*, 16 августа).

Два нефтяных кризиса 1973 и 1980 годов, конкуренция Японии и Европы в автомобильном секторе в последующие десятилетия, вступление Китая в ВТО в 2001 году, аутсорсинг производства в страны с низкими издержками, цифровизация экономики, революция в логистике – сочетание всех этих факторов оказало разрушительное воздействие на Хартленд, промышленное сердце Соединённых Штатов. Распространён тезис о том, что именно эти объективные условия лежат в основе политического феномена Трампа, хотя именно его фигура всплыла скорее случайно, чем по расчёту: он стал катализатором исторической оппозиции южан элитам Североатлантического побережья, которая восходит ещё к Гражданской войне и сегодня сопровождается протестом той части населения, которая пострадала от закрытия заводов.

Психология упадка

Раньше мы уже выражали свои сомнения по поводу такой односторонней интерпретации; анализ данных по отдельным округам показывает, что среди массы наёмных работников преобладает абсентеизм, хотя верно, что во многих районах «ржавого пояса» на протяжении двух или трёх поколений утвердилась своего рода психология упадка.

Ясное представление о том, что произошло в самом сердце Америки за последние полвека, нам могут дать две компании – исторические символы американской промышленной мощи автомобильного и сталелитейного секторов. В 1960 году в рейтинге 500 крупнейших по обороту компаний мира, опубликованном журналом *Fortune*, General Motors из Детройта, штат Мичиган, занимала первое место с 557 тыс. сотрудников; на пятом месте находилась US Steel из Питтсбурга, штат Пенсильвания, с 200 тыс. рабочих. В 1980 году General Motors была на втором месте с 853 тыс. рабочих, US Steel больше не вошла в первую пятёрку. В 2024 году General Motors опустилась на 19-е место с 163 тыс. сотрудников, US Steel опустилась на 227-е с 21,8 тыс. сотрудников. Имен-

но в этом драматическом контексте структурных изменений происходит американская политическая борьба. По данным U. S. Bureau of Labor Statistics, занятость в промышленности Хартленда упала с 5,5 млн в 1998 году до 4 млн в 2019-м, то есть на 27 %.

В период с 1957 по 2021 год вес Хартленда в американском ВВП упал с 35,3 до 24,3 %, потеряв 11 процентных пунктов. В индустриальном центре, сделавшем эту страну ведущей индустриальной державой мира, образовался провал, который трудно заполнить. *Financial Times* от 12 августа пишет, что примерно 40 % крупных инвестиций в промышленность США, объявленных в первый год промышленной политики Джо Байдена, были отложены или приостановлены. Ломать – не строить.

Борьба за Хартленд

«Больше сходств, чем различий», – пишет 7 сентября *Politico*. По мнению этого цифрового издания, если отодвинуть ширму предвыборной риторики, то можно увидеть, что обе партии сходятся по важнейшему вопросу о промышленной политике в Хартленде.

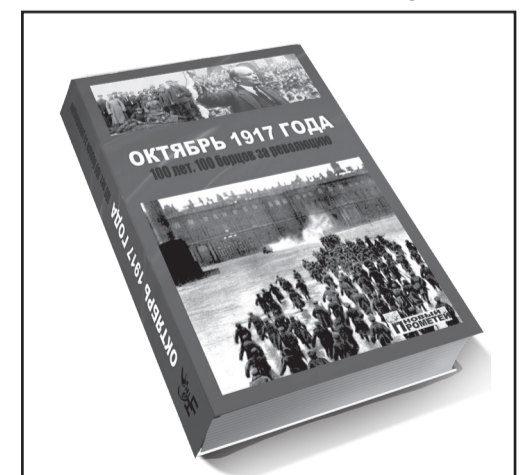
Например, когда речь идёт о поддержке заводов в Мичигане, их аргументы звучат поразительно похоже. По данным *Politico*, демократическая администрация Байдена сделала ставку на то, что возобновление американского производства посредством огромных субсидий «Inflation Reduction Act» и «CHIPS Act» поможет ей восстановить «Blue Wall» – журналистский термин, обозначающий «стену» из штатов, в которых демократы всегда побеждали с 1992 по 2012 год и которая была разрушена с победой Трампа в 2016 году.

Республиканцы же, хотя и очерняют политику Демократической партии в своей пропаганде, негласно рассматривают возможность сохранения части промышленной политики Байдена. Та-

кую позицию озвучил журналистам бывший торговый представитель США при Трампе Роберт Лайтхайзер.

В рейтинге по производимому доходу Пенсильвания опустилась с 4-го места в 1957 году на 6-е в 2021-м, Мичиган – с 7-го на 14-е, Висконсин – с 13-го на 21-е. В 2020 году президент-демократ Байден победил в Пенсильвании с перевесом в 1,2 %, в Мичигане с перевесом в 2,8 % и в Висконсине с перевесом в 0,6 %. С таким же низким отрывом это произошло в Джорджии (0,3 %), Аризоне (0,3 %), Северной Каролине (1,3 %) и Неваде (2,4 %). Несмотря на то, что в США право голоса имеют 244 млн человек, кто станет президентом Соединённых Штатов в ноябре будут определять лишь несколько десятков тысяч голосов в этих штатах.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Издательская новинка

Битва за интернационализм

Из предисловия к готовящейся к изданию книге *“La guerra di Gaza. Una risposta internazionalista”*.

Есть ещё три аспекта битвы за интернационализм [в войнах на Большом Среднем Востоке], которые требуют рассмотрения. Первый касается силы класса. По сравнению с 1967 годом число наёмных работников в регионе Северной Африки и Среднего Востока от Марокко до Ирана, включая Турцию, выросло с 20 до 120 миллионов человек, что составляет две трети трудоспособного населения, причём четверть из них относится к промышленному пролетариату. В нефтемонархиях Персидского залива это сочетается с массовой иммиграцией из Индии и Азии, часто образующей абсолютное большинство рабочей силы. Отсюда становится ясно, что единство столь обширного пролетариата в Северной Африке и на Среднем Востоке может быть обеспечено только на основе интернационализма; также очевидно, какую силу он мог бы обрести, если бы был организован и ориентирован на революционную стратегию.

В 1967 году Арриго Черветто отверг возражение, что соотношение сил будто бы не благоприятствует пролетариату на Среднем Востоке. Наёмные работники уже составляли значительную часть занятого населения, имелась «значительная масса пролетаризированных крестьян»; однако в любом случае ленинистская стратегия не могла опираться только на средневосточный пролетариат, а требовала опоры на «революционную борьбу европейского [...] пролетариата». Только интернационалистская борьба, но никак не «интервенционизм»¹ в поддержку различных социал-национальных мифов Насера и арабской буржуазии, могла закрепить эту классовую стратегию в Европе.

Полвека спустя 120 миллионов пролетариев на южных берегах Средиземного моря – в шесть раз больше, чем в 1967 году – могли бы рассчитывать на 200 миллионов товарищей по классу в Европе, если бы только их могла скоординировать коммунистическая стратегия. Конечно, здесь чувствуется отсталость мировой партии, отсутствие Интернационала, основанного на классовом принципе, но ещё большее значение имеет целый век неудач в осуществлении национального принципа, с бездарной политикой буржуазии, ослабленной нефтяной рентой, неспособной достичь какого-либо регионального взаимопонимания и опустившейся до поддержки самых чудовищных видов фанатизма.

Второй вопрос, нуждающийся в новом освещении – это отношение между арабской и палестинской буржуазией. Комментируя трагическое поражение ООП в Ливане в 1982 году, преследуемой Израилем и брошенной арабскими странами, Черветто отметил, что эта организация являлась «разнородной совокупностью десятков организаций, постоянно враждующих между собой, иногда с применением оружия»², и представляла собой «дополнение к военным группировкам, связанным с различными отрядами арабской буржуазии (от саудовской до иракской), которые финансируют эти формирования»³. Более того, только палестинцы на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа, находящиеся под израильской оккупацией, имели стабильные поселения с социальной стратификацией, где «частнособственническая буржуазия» одной рукой оказывала влияние на определённые течения в ООП, а другой – экономически сотрудничала с израильской буржуазией «на быстро растущем»⁴ рынке, несмотря на перманентное состояние войны.

Сам Ясир Арафат, как сообщают палестинские историки, признавал, что различные организации, объединившиеся

в ООП, являлись частью «конфликта арабской нации» и были «связаны с арабскими странами», поэтому противостояние с ними означало бы противостояние с этими странами; постоянно колеблясь между различными влияниями, Ясир Арафат пытался достичь независимости, очевидно иллюзорной.

Эдвард Саид, один из крупнейших палестинских интеллектуалов, называл палестинцев «жертвами жертв» из-за исключительного их положения, когда миллионы людей оказались в изгнании или в лагерях беженцев под властью государства Израиль, которое само несло на себе отпечаток веков антисемитских погромов и ужасов Холокоста. Тот же Саид в одном из текстов 1978 года утверждает, что палестинская диаспора представляет собой одну из «региональных элит» Среднего Востока, часть «верхушки арабской буржуазии», которая занимает «ключевые посты в бюрократии или в нефтяной промышленности» или выполняет «консультативные функции в сфере экономики или образования в различных арабских правительствах».

Сегодня к этому следует добавить следующее: зависимость палестинской буржуазии за рубежом от различных слоёв арабской буржуазии была её первородным грехом; она показала хрупкость ООП, когда те крохи нефтяных доходов, которые предназначались для неё, были перенаправлены на исламистские течения, а в игру включилось в том числе иранское влияние. Переломным моментом стала первая война в Персидском заливе в 1991 году, когда арабские державы встали на сторону Вашингтона, а ООП осталась в стороне, поддерживая Саддама Хусейна. Именно тогда и был дан решающий толчок движению ХАМАС, которое позже было поощрено теми же правительствами израильских правых, которые увидели в этом возможность расколоть палестинский фронт, продолжая тем временем колонизацию Западного берега. Вот почему израильская буржуазия также должна быть причислена к неудачникам, выполняя роль ученика чародея по отношению к ХАМАС, которая опрокинула Тель-Авив 7 октября, а зверская ярость возмездия в Газе, в эпоху социальных и телевизионных убийств, навсегда запятнала её репутацию.

Результатом медленной аннексии Западного берега стало ослабление ПНА, Палестинской национальной администрации, в то время как Газа оказалась в руках ХАМАС. Это ознаменовало банкротство старой светской и социал-национальной матрицы палестинского представительства, зеркальное отражение политического провала тех израильских течений, которые сохраняли приверженность формуле «два народа – два государства». Также это определило разделение будущих перспектив Палестины по двум линиям влияния: Тегерана, который стремится к статусу ядерной державы, и Эр-Рияда, который пытается сравняться с ним через соглашения Авраама с Израилем. Не может быть более трагического и издевательского финала для палестинцев, чем принести 40.000 жертв израильской расправы во имя ядерных амбиций иранских мулл, имея в качестве альтернативы неравный компромисс с самим Израилем в тени саудовской нефтемонархии.

В текущих обстоятельствах трудно сказать, какая судьба может постигнуть Пекинскую декларацию, в которой четырнадцать организаций, включая ФАТХ и ХАМАС, признают ООП в качестве «единственного законного представителя» палестинцев; несомненно лишь то, что Китай подтверждает свою роль в регионе, о которой он уже заявил, предприняв попытку посредничества между Ираном и Саудовской Аравией.

Наконец, третий вопрос касается перспектив интернационализма. В 1985 году,

размышляя над «принципом классово-борьбы»⁵ в решении национального вопроса, Черветто писал, что ленинистская партия, придерживающаяся этого принципа, не может быть затянута на «социал-империалистические позиции» посредством приводного ремня национального вопроса: она может оказаться «в крайней изоляции», но не может «выродиться»⁶.

Это состояние «крайней изоляции» описывает реальность, с которой сегодня в Израиле и арабском мире приходится сталкиваться линии арабо-израильского классового единства. В этом нет ничего нового: даже позиции профсоюзного единства в 1920-х годах вызвали противодействие, а зачастую и физическую ликвидацию, как в еврейском, так и в арабо-палестинском лагере. Более того, так происходило на протяжении всей истории с каждым интернационалистским меньшинством, которое сталкивалось с фанатизмом, поднятым военной мобилизацией: большевики были загнаны в подполье или были вынуждены уехать за границу, в них видели агентов Германии – и лишь потом та же война разрушила консенсус внутри страны и в окопах и открыла путь революционному поражению.

И всё же за эти полвека появились более широкие возможности для утверждения классово-позиции, для воссоздания интернационалистской стратегии, хотя и на узком и труднопроходимом пути. Давайте обратимся к этому вопросу, начав с другой статьи Черветто, опубликованной в 1986 году, об «отравленных семенах средиземноморской политики». Одним из «отравленных семян»⁷ был терроризм, который из быстро развивающегося Среднего Востока, являвшегося «раскалённым очагом войн» и «хаотической кузницей бомб и бомбистов»⁸, перекинулся в итальянские и европейские города. Другим отравленным семенем стали условия труда иммигрантов, с низкой заработной платой и «без какой-либо защиты»; итальянская метрополия черпала «новый источник прибавочной стоимости из средиземноморского бассейна», что усиливало «уровень её империалистической зрелости и предоставляет возможность подкупа её «рабочей аристократии»⁹.

В последние десятилетия тот же прогресс капиталистического развития, крестьянского распада и демографического роста, который в шесть раз умножил пролетариат на южных берегах Средиземного моря, периферии европейского империализма, привёл десятки миллионов мигрантов в крупные города Старого континента. Само собой разумеется, что уже один этот факт делает интернационалистскую борьбу в Европе необходимой; противостояние ядам национализма, которые проникают в многонациональный пролетариат, сопровождается борьбой против любого расизма и любой дискриминации.

Конечно, подавляющая часть иммиграции в настоящее время участвует в европейской стратификации заработной платы и в конечном итоге растворяется в метаболизме социального движения, поэтому вопросы классово-обороны теперь преобладают над различиями по происхождению мигрантов. Однако столь обширный резерв иммигрантской рабочей силы, которому суждено расширяться, в определённой степени позволяет рассматривать Европу в качестве периферии средневосточных конфликтов. Правящий класс обсуждает это с изрядной дозой лицемерия и цинизма. После 7 октября Генри Киссинджер заявил в эфире *Welt TV*, что «было большой ошибкой привозить столько людей с совершенно разными концептуальными, культурными и религиозными взглядами, потому что это создаёт группы влияния внутри каждой страны». В условиях, когда буржуазия не может обойтись без иммиграции, но вынуждена успокаивать стареющее и напуганное общественное

мнение, предложений для ненавистнической дискриминации и ксенофобских кампаний становится всё больше: вспомните подозрения в отношении французов с двойным гражданством или споры в Германии по поводу нового права на гражданство, которое ускоряет натурализацию.

Но это же присутствие десятков миллионов иммигрантов с южных берегов Средиземного моря, с приходом молодёжи второго и третьего поколений, может стать прорывом для интернационалистской борьбы. Если пространство для действий коммунистического меньшинства в клубке средневосточных конфликтов ограничено «крайней изоляцией», то возможности для разъяснения и укрепления интернационализма в европейской периферии гораздо шире.

Ленинисты больше не являются той небольшой группой, которая в 1967 году стремилась отстаивать интернационалистские позиции. Каждый год тысячи молодых людей имеют возможность познакомиться с принципами революционного марксизма; среди многих из них, кто происходит из среды иммигрантов, – а их доля постоянно растёт – есть те, для кого интернационализм становится решением, почти откровением, перед лицом вековой истории провалов разновидностей средневосточного национализма. Это же касается и молодых евреев, арабов, арабов-израильтян, иранцев и прочих, приехавших в Европу на учёбу в то время, когда конфликт возвращает призраки антисемитизма на Старый континент. Освобождённые от атмосферы фанатизма священной войны и в некоторой степени защищённые от тупой жестокости репрессий, они могут познакомиться с марксизмом и интернационализмом; вот почему молодёжь рабочих кружков ведёт свою борьбу в университетах и отказывается от бойкота университетов Израиля, как и любой другой страны.

Это подтверждают и страницы истории революционного движения, которые следует прочитать. Первый Интернационал, начиная с Маркса и Энгельса, подпитывался европейской иммиграцией и политическими беженцами в Лондоне. В начале 1920-х годов целые секции Третьего Интернационала, прежде чем быть поглощёнными или уничтоженными сталинизмом, были набраны из молодых людей, приехавших в Париж, Лондон или Берлин со всего мира на учёбу или работу.

Таков практический путь, который открылся спустя полвека политических сражений с тех шести дней 1967 года. Мы не знаем, какие войны кризиса порядка потрясут следующее десятилетие и в какой степени. Безусловно, перед многими молодыми людьми и многими пролетариями в Европе и во всём мире встанут фундаментальные вопросы о будущем варварства, которое это общество готовит новым поколениям. Речь идёт о том, чтобы укоренить ленинизм в Европе и через Европу, среди молодёжи и пролетариев Европы и всех слоёв общества.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 258.

2 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 168.

3 – Там же. С. 172.

4 – Там же. С. 171.

5 – Реакционный терроризм, империалистический европеизм, коммунистический интернационализм. АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2018. С. 135.

6 – Там же. С. 136.

7 – Там же. С. 140.

8 – Там же. С. 141.

9 – Там же. С. 140.

Палестинский вопрос в цепочке конфликтов

Газета «Маарив» оценивает, что до 2007 года четыре арабо-израильские войны, случившиеся в период с 1947-го по 1973 год, ливанский конфликт 1982–2000 годов и вторая ливанская война в 2006 году, а также две *интифады* в 1980-е и 2000-е годы привели примерно к 20 тысячам смертей среди израильтян и 60 тысячам среди арабов и палестинцев. Последующие конфликты – пять войн в Газе, в том числе нынешняя – увеличили число жертв среди арабов до 100 тысяч. Согласно Витторио Дан Сегре, в «*арабских гражданских войнах*» (иорданский конфликт 1970–1971, сирийская гражданская война в 1980-е годы), ливанской гражданской войне (1975–1990) и иракской войне после 2003 года погибли порядка 300 тысяч человек («*Metamorfosi di Israele*», 2006). В сирийском и йеменском конфликтах с 2011 года по сегодняшний день, как считается, погибли 400 тысяч человек. Ирано-иракская война (1980–1988), во время которой значительная часть суннитского мира поддержала режим Саддама Хусейна, пока что остаётся самым кровавым межгосударственным конфликтом на Большом Среднем Востоке (около 1 миллиона смертей).

Таким образом, за прошедшие три четверти века в ходе становления государственных форм в регионе число жертв составило приблизительно 2 миллиона. Конфликты широко поддерживались многими империалистическими державами как оружием, так и капиталами.

Палестинский вопрос в средневосточной игре держав

С 1948 года палестинский вопрос утвердился как точка сближения между арабскими буржуазиями, заинтересованными в сдерживании европейского колониального присутствия, а также как национальный предлог для раздувания, манипулирования или маскировки противоречивых и зачастую соперничающих региональных интересов. Сегре считает, что столкновение за Палестину было по своей сути дракой за территорию, но из-за «панарабских революционных претензий» и внутренних противоречий панарабизма приобрело «символический характер», и потому в итоге стало «неразрешимым» (op. cit.).

Сегре видит связь между арабо-израильским конфликтом и различными государственными традициями, сформировавшимися после деколонизации. Он разделяет государства на три категории. Во-первых, основанные на «*религиозно-племенных коалициях*», такие как Йемен, Саудовская Аравия, Марокко. Во-вторых, сохранившие структуры доколониальных властей, такие как эмираты Персидского залива, Алжир, Египет. Их фундаментом была военная структура османского типа – *мамлюки*, – но по мере взаимодействий с европейскими державами они эволюционировали в сторону «*династическо-республиканских*» форм, которые вследствие центрального положения вооружённых сил были переделаны по модели кемалистской Турции. В-третьих, такие государства, как Израиль, Иордания, Ливан, Ирак, Сирия, которых характеризует главным образом поиск «*национальной идентичности*», инициированный, говоря словами Генри Киссинджера, «*доминирующими меньшинствами*», этническими или конфессиональными. Он опирался на пример Ирака, который можно также распространить на Ливан, Сирию и Иорданию. В том числе и для многонационального государства Израиль, 20 % населения которого арабы, характерно противоречие между израильской и еврейской идентичностями в рамках национальной сионистской идеологии.

Этот процесс, участниками которого стали государства в поисках консолидации, доминирующие национальности и меньшинства без государства, к чему нужно добавить также атактистские религиозные противоречия, неотделимые от соперничества империалистических держав в регионе. Средний Восток остаётся эпицентром противостояния спустя годы после конца колониального владычества и геополитических ставок Лондона и Парижа, учитывая ключевую роль нефти в мировом послевоенном цикле развития. Борьба за нефть, противостояние держав *посредством* нефти и контроль над её транспортировкой, над *энергетической артерией* Персидского залива стали постоянной чертой средневосточных кризисов и войн. Вспомним строки Арриго Черветто, написанные по поводу арабо-израильской войны 1967 года: «*Арабская буржуазия, воспитанная и откормленная в машинациях с европейскими и американскими империалистами, уже давно добавила к своей игре советскую карту. Израильская буржуазия разыграла и хорошо использовала сталинистскую карту в 1947 г., когда СССР и США поддерживали сионизм для того, чтобы изгнать с Ближнего Востока едва дышащие английскую и французскую державы, которые доходили до того, что даже оправдывали панарабизм, вооружали, организовывали его, желая остаться на волне... нефти. Израильское государство родилось не с благословения Иеговы, а с благословения Сталина и Трумэна. В 1956 г. оно оставляет своих крёстных отцов, объединяется с Энтоном Иденом и Ги Молле и движется на Суэц. Шестой американский флот блокирует операцию. Ближний Восток становится отныне зоной американского влияния, куда русские включаются только для того, чтобы делать игру Соединённых Штатов. В действительности нефть почти полностью становится звёздно-полосатой. Потребуется ещё почти десять лет, прежде чем усиление европейского капитализма приведёт к попытке вернуться в качестве конкурента на Ближний Восток и вызовет другое нарушение равновесия в международных и внутренних отношениях этого региона.*

Вновь приходит в движение коалиция государств, СССР имеет пространство для манёвров, Соединённые Штаты увеличивают противоречия своей гегемонии. Во всём этом процессе арабская и израильская буржуазия играют вторичную, но необходимую роль. Неспособная в силу слабости и наличия конкуренции взять нефть в свои руки, она может, однако, как хороший подхалим, подготовить свои войска к войне, из которой только крупные империалистические державы могли бы сегодня извлечь выгоду. Умело используя покровительство и капиталы, она быстро превратила и то, и другое в идеологию для того, чтобы морочить голову трудящимся, и отличающиеся даже не расой, но только амвоном, с которого распространяется религиозный опух»¹.

Черветто подчёркивал относительную слабость арабской и израильской буржуазии даже в отношении раздела нефтяной ренты и отмечал доминирующую роль США и сопровождающую роль СССР. Он писал также о попытке «*конкурентного возвращения*» европейского империализма как об одном из факторов развязывание грядущего кризиса. Шарль де Голль запустил свою «*большую арабскую политику*»: в контексте 1967 года он приостановил военные поставки Израилю и предупредил, чтобы тот не начинал превентивную войну. По словам Реймона Арона, оставившего свой комментарий *Le Figaro*, Насер не начал бы блокаду залива Акаба, что послужило запалом для войны, «*если бы не верил в поддержку Франции*» (Никола Ка-

пеллито, «*Война 1967 года*», Бюллетень «*Интернационалист*», май и июнь 2004 года; ныне в составе книги «*Energia e petrolio nella contesa imperialista*», 2006).

Фактом остаётся то, что в последующие годы Европе будет трудно вернуться в регион из-за своей энергетической зависимости от Среднего Востока с одной стороны и дефицита военно-стратегической автономии от Соединённых Штатов с другой. Что касается раздела энергетической ренты, ситуация кардинально изменилась в результате войны 1973 года и *нефтяного шока*, потрясшего мировую экономику. Колоссальное перемещение ренты в пользу средневосточных буржуазий измерялось несколькими процентными пунктами МВП – этого было более чем достаточно, чтобы мотивировать их последующие пятьдесят лет подливать масло в огонь региональных трений и конфликтов, в том числе поддерживая террористические течения и религиозный радикализм.

Трансформация результатов «урегулирования 1922 года»

Вернёмся к периоду после второй мировой войны. Государственные формы, установившиеся на Среднем Востоке после первой мировой войны в результате «урегулирования 1922 года», претерпели изменения в период после 1945-го и по конец 1950-х годов (David Fromkin, «*A peace to end all peace*», 1989). В 1952 году египетские вооружённые силы низложили монархию; с 1954 года их возглавил Гамаль Абдель Насер. В 1947 году в Сирии возникла Партия арабского социалистического возрождения (Баас), защитница арабского национального социализма и панарабизма, образовавшая также иракскую, йеменскую и иорданскую ветви. В 1954 году Баас добилась вхождения в сирийское правительство, которое характеризовалось сильной нестабильностью; в 1956 году в свете Суэцкого кризиса и утверждения Насера в роли арабского лидера Дамаск установил отношения с СССР, который совершил чисто проарабский поворот.

Нестабильность в Сирии и влияние Насера привели к созданию Объединённой арабской республики, просуществовавшей с 1958-го по 1961 год. Дамаск, недовольный египетским лидерством, покинул её в 1961 году, а в 1963-м Баас, конкурировавшая с Насером по части панарабских амбиций, установила в Сирии однопартийный режим. В 1966 году, однако, фракция военных, в которую входил также Хафез аль-Асад, офицер из алавитов, свергла «старую гвардию» партии, что привело к расколу с иракской ветвью.

В Багдаде пробританская монархия была свергнута военным переворотом в июле 1958 года, который возглавил генерал Абд аль-Керим Касем, националист и шиит. Его в свою очередь низложили и казнили местные баасисты в 1963 году; консолидация баасистского режима произошла только в 1968 году с утверждением Саддама Хусейна. Историк и дипломат Майкл Орен («*Six days if war*», 2002) пишет, что с 1949-го по 1967 год в Сирии сменили друг друга «*шестнадцать различных правительств, почти по одному в год*»; распри между баасистскими, насеристскими и националистическими течениями породили постоянные чистки, сопровождались яростным соперничеством сирийской и иракской ветвей.

Арабская холодная война

Многие социал-национальные режимы арабского мира, клиенты Москвы и конкуренты по панарабизму, к которым также добавились Алжир и – с 1969 года – Ливия, в контексте империалистического соперничества в регионе оказались вовлечены в так

называемую «арабскую холодную войну». Под этим понятием подразумеваются их конфликтные отношения с так называемыми «умеренными» и в основном прозападными настроенными странами: Саудовской Аравией, эмиратами Персидского залива, Ливаном и Иорданией. Последняя была вынуждена балансировать между западными державами, своими традиционными соперниками в лице саудитов, панарабизмом и палестинским вопросом, поскольку 70 % её населения составляли палестинцы, в том числе изгнанные из Израиля в 1948 году.

Конкуренция великих держав и «арабская холодная война» переплелись в 1957 году, когда была сформулирована «*доктрина Эйзенхауэра*» для Среднего Востока (Ю. Роган, «Арабы», 2009; Е. Примаков, «*Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами*», 2006). Одним из последствий этого «холодного» конфликта стало участие Египта в войне в Йемене 1962–1967 годов, которую сам Насер назвал «*египетским Вьетнамом*». Каир был вынужден отправить порядка 70 тысяч человек, чтобы справиться с местной шиитской религиозной герильей, поддержанной саудитами, британцами, иранским шахом и Израилем. Интервенция привела также к долгому кризису египетской экономики, крайне зависимой от поставок американского зерна. Неблагоприятная для египетского президента ситуация, чтобы начать конфликт с Израилем.

Конфликт 1967 года

По словам биографа Насера Жана Лакутюра, его политическая ограниченность выражалась прежде всего в «*неспособности отличить воображаемое от действительного*», что сделало его заложником собственной риторики и слов других. Как пишут Орен и Примаков, необходимость защищать престиж лидера арабского мира подтолкнула его в 1967 году к «*демонстрации силы*». Такую же оценку высказал тогдашний глава генштаба Израиль Ицхак Рабин. Насер, встревоженный возможностью нападения Израиль на Сирию, о чём его предупредила Москва, после ряда пограничных столкновений и усиления палестинской герильи разместил на Синае почти сотысячную армию. После требования вывода контингента ООН он установил блокаду Тиранского пролива, на берегу которого располагается Эйлат – двери Израиль в Красное море и терминал для разгрузки иранской нефти.

Конфликт закончился для него катастрофой и из-за поражения арабов привёл к упадку панарабской идеологии.

Лакутюр продолжает: хотя Насер принял участие в формировании палестинского национализма, рождённого вместе с ФАТХ в 1954 году и развившегося с созданием ООП в 1964-м, с 1957 года он «*старался заморозить палестинский вопрос*» и сохранить статус-кво с Израилем, прикрывшись позицией «*ни мира, ни войны*». Французский историк считает, что панарабистские амбиции Насера зиждились на возможном обобществлении арабской нефтяной ренты, особенно саудовской, которой у Египта почти не было. Это подтверждение нашего суждения об «*арабской буржуазии, купающейся в нефти*», а потому и поныне неспособной исполнить революционную буржуазно-демократическую функцию.

С точки зрения Оrena, в 1967 году Насер пошёл на «*риск*», пытаясь получить «*дипломатическую победу без войны*». Это также стало результатом внутриарабской конкуренции и соперничества президента с начальником египетского генштаба Абделем Хакимом Амером за контроль над вооружёнными силами:

Тов на нестабильном Среднем Востоке

Амер сильно переоценил способности и организацию армии, недостаточно подготовленной и имеющей в строю лишь 70–75 % вооружений. Орен считает, что игра русских была очень противоречива: они пытались усилить локальные трения, чтобы «напомнить арабским странам об их зависимости» от поддержки со стороны Москвы.

Что касается Израиля, Орен напоминает, что основной целью Давида Бен-Гуриона в войне 1956 года было «сдуть Насера» и получить от Лондона и Парижа согласие на переустройство региона: создание маронитского государства в Ливане, раздел Трансиордании между Израилем и Ираком и аннексия Израилем Южного Ливана вплоть до реки Литани. Однако ни Лондон, ни Париж не были готовы удовлетворить эти притязания (M. Oren, *op. cit.*; V. Morris, “Righteous victims”, 2001). В действительности в 1956 году Израиль получил только гарантию выхода к Красному морю с портом Эйлат и размещение контингента ООН на Синае.

Решение Израиля начать превентивную атаку в июне 1967 года было продиктовано паническими настроениями в Тель-Авиве. Позиции премьера Леви Эшколя противостоял Бен-Гурион, который не хотел новой войны после откола его партии РАФИ от МАПАИ в 1965 году в ходе внутренней борьбы за наследование ему самому. Однако большой вес имели и военные круги. Как пишут Том Сегев, Орен и Моррис, «путч генералов» в июне 1967 года привёл Моше Даяна в министерство обороны, где он сменил Эшколя (T. Segev, “1967”, 2007).

Как пишет Моррис, решение Иордании ввести 30 мая единое командование вместе с Египтом, Ираком и Сирией стало поводом, который позволил Тель-Авиву «осуществить задачу, не достигнутую в 1948 году»: установить полный контроль над Иерусалимом и получить Западный берег реки Иордан и часть Голанских высот, в том числе исток Иордана, один из элементов трений с Сирией.

Что касается арабов, события служили для них подтверждением точки зрения, что Израиль был «сторожевым псом Запада» в регионе, и усиливали вес палестинской карты во внутриарабской политике. С точки зрения Морриса и Дан Сегре (*op. cit.*), после оккупации Западного берега реки Иордан и Газы, а также новой волны беженцев и консолидировалась палестинская национальная идентичность. ООП по-прежнему оставалась организацией-зонтиком, который объединял множество течений – ФАТХ Ясира Арафата была одним из основных, – по-разному используемых арабскими державами. Победа в войне 1967 года обозначила роль Израиля как крупнейшей военной державы в регионе, но, как пишет Моррис, вдохновила «националистический шовинизм» даже среди лейбористских течений, хотя идея об обмене территориями ради получения арабского признания не была забыта.

Война Судного дня и падение гегемонии лейбористов

Насер, умерший в 1970 году, добился на хартумском саммите Лиги арабских государств в сентябре 1967 года «декларации трёх “нет”»: никакого мира, никаких переговоров и никакого признания Израиля. И обязался создать палестинское государство, что до 1970 года сопровождалось так называемой “войной на истощение” между Египтом и Израилем вдоль Суэцкого канала.

Средневосточный статус-кво, установленный войной 1967 года, был нарушен последующим раундом военных действий в октябре 1973 года. По мнению Морриса, Египет и Сирия «не стремились уничтожить еврейское государ-

ство, [...] зная, что такая цель для них недостижима и что при угрозе уничтожения Израиль может применить атомное оружие, которым он уже обладал». Можно добавить, что уже в 1967 году ядерный фактор, то есть опасения Израиля, что Египет может нанести удар по электростанции в Димоне, стал одним из мотивов, подтолкнувших Тель-Авив к конфликту. В 1966 году, вспоминает Орен, Насер предупредил Вашингтон о возможности вступления Каира в «даже самоубийственный конфликт», чтобы помешать Израилю обзавестись ядерным оружием, хотя больше он этот вопрос не поднимал (*op. cit.*).

Цель Египта, продолжает Моррис, заключалась в том, чтобы получить полосу территории на восточном берегу Суэцкого канала и поколебать «дипломатическую непреклонность Израиля и международного сообщества», то есть великих держав. Целью Дамаска было вернуть Голанские высоты. Прежде всего, для обоих это было «снятие позора 1967 года», которое «принесло бы обоим режимам богатое вознаграждение», включая «финансовое вливание богатых нефтяных монархий». В любом случае, ни эти страны, ни их арабские союзники не поддерживали палестинский национализм. И для сирийского режима, так и для Анвара аль-Садата, преемника Насера, превалировали национальные интересы.

Израиль выиграл конфликт в военном отношении, но политически его превосходство было ослаблено. Война также сыграла важную роль в смене позиций египетского режима Садата: Каир перешёл с русской орбиты на американскую, о чём повсеместно заявлял Генри Киссинджер, бывший в то время государственным секретарём. Долгие последствия конфликта привели в марте 1977 года к концу гегемонии лейбористов в Израиле и восхождению “Ликуд”, правоцентристского формирования, созданного в 1973 году Менахемом Бегинем (1913–1992), к которому присоединился генерал Ариэль Шарон.

Возвышение Ликуд и Ливанская война

Родившийся на территории современной Белоруссии, Бегин первоначально вступил в социалистическое движение Ха-шомер ха-цаир (“Молодая гвардия”), возникшее в Галиции в 1913 году. В 1929–1930 годах он перешёл в ревизионистское молодёжное движение “Бейтар” и стал его организационным руководителем. В 1939–1941 годах, будучи военнослужащим польской армии, был интернирован в сталинский ГУЛАГ. Освобождённый после союзнических соглашений о воссоздании польской армии под командованием генерала Андерса, Бегин остался в Палестине в 1942 году, став лидером “Иргуна”: в этом качестве он в 1946 году был одним из организаторов нападения на отель “Царь Давид”, штаб-квартиру британского военного командования в Палестине. В 1948 году он отказался распустить Иргун, который в апреле был ответственен за резню в Дейр-Ясине, одну из главных в первом арабо-израильском конфликте. Пытаясь получить оружие для “Иргуна”, Бегин пострадал в инциденте с “Альталеной” – кораблём, окрещённым псевдонимом Владимира Жаботинского, – его потопила “Хагана” по прямому приказу Бен Гуриона.

«Политическое землетрясение 1977 года», – пишет Мишель Абитболь (“Histoire d’Israël”, 2024), – привело к созданию израильскими правыми правительственного блока, где политические балансы, установленные Бен Гурионом, обесценивали лейбористам господство в связке с религиозной партией МАФДАЛ. Поворот был вызван способностью Ликуда привлечь

с помощью национал-популистского дискурса голоса мизрахимов, включая сефардов, а также, постепенно, и национально-религиозного компонента, возникшего после 1967 года. Именно с Бегинем Садат заключил Кэмп-Дэвидские соглашения 1978 года, установившие мир между Израилем и Египтом.

Также при Бегине в 1982 году Израиль ввязался в ливанский гражданский конфликт. Заявленной целью было изгнание из страны “параллельного государства”, созданного ООП и различными палестинскими фракциями. Они были изгнаны из Иордании в 1970–1971 годах из-за попытки, поддержанной, по-видимому, в основном Сирией Асада, свергнуть хашимитскую монархию и создать палестинское государство. Ави Шлаим напоминает, что этот вариант положительно рассматривался сторонниками “Ликуд”, такими как Шарон, в качестве так называемого «иорданского варианта», направленного на окончательное присоединение Западного берега реки Иордан к Израилю (“Lion of Jordan”, 2008). Иорданский конфликт, вошедший в историю как «чёрный сентябрь», сопровождался жёсткими репрессиями против палестинских партизанских формирований, в результате которых погибло от 5.000 до 15.000 человек.

Ливанский конфликт с осадой Бейрута был задуман Шароном в соответствии с намерениями Бен Гуриона 1956 года, то есть с целью создания союзного ливанского государства с маронитским руководством. Война увенчалась успехом – ООП была изгнана из Ливана и перебазировалась в Тунис. Однако она стала одним из факторов появления “Хезболлы” – шиитской партии-ополчения, возникшей из палестинских осколков, с маоистской ориентацией, укоренившейся среди преимущественно сельского населения южного Ливана при поддержке Исламской Республики Иран (S. Ayad, “Géopolitique du Hezbollah”, 2024; J. Gleis, V. Berti, “Hezbollah and Hamas”, 2012). Во время осады Бейрута маронитские ополченцы были ответственны за массовые убийства в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила, которые стали не менее крова-

вым повторением тех, что были совершены в 1976 году. Это привело к отставке Шарона с поста министра обороны.

Ливанский конфликт, в котором к 1983 году как в болоте увязла армия Тель-Авива, в том числе из-за растущих экономических трудностей страны, вынудил Бегина передать эстафету Ицхаку Шамиру. С 1984 года последнему пришлось создать коалиционное правительство с лейбористами во главе с Шимоном Пересом, извечным соперником Рабина, который возглавлял правительство в 1974–1977 годах. В 1974 году на Рабатском конгрессе арабские государства признали ООП единственным законным представителем палестинского народа. В 1988 году король Иордании Хусейн провозгласил административное отделение Западного берега реки Иордан, хотя ещё в 1974–1975 годах он предполагал создание иордано-палестинской федерации. Фактически, говорит Шлаим, решение Хусейна закрыло перспективу иорданского варианта в смысле федеративного или конфедеративного союза. Одним из факторов стало начало первой палестинской интифады в декабре 1987 года, которая, по мнению историков, была спонтанным движением населения Западного берега реки Иордан, заставшим врасплох и Израиль, и саму ООП. Это также дало возможность движению исламского сопротивления ХАМАС, возникшему в Газе и негласно поддерживаемому Израилем с 1970-х годов, утвердиться в качестве религиозного течения палестинского национализма, конкурирующего с ФАТХ и ООП. Также в 1988 году руководство ООП признало легитимность государства Израиль и создание палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы. Американское одобрение, по сути, позволило начать прямые переговоры, результатом которых стали соглашения 1993 года в Осло.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 250 (перевод исправлен).

Крупные группы США в 2023 году

Растущая американская экономика сталкивается с глоба

В сентябре прошлого года президент США Джо Байден лично поддержал пикет бастующих рабочих из United Auto Workers (UAW) на заводе General Motors в Мичигане. Тогда Дональд Трамп заявил, что электромобили – это услуга, оказанная Китаю, и напомнил, что заводы по производству аккумуляторов строятся в тех штатах, где профсоюз не представлен. Недавно мы увидели ответ нынешней администрации – увеличение ввозных пошлин на автомобили, импортируемые из Китая, до 100 %. Правда, этот жест носит чисто символический характер, поскольку касается небольшого количества автомобилей. Однако европейская пресса отмечает, что из-за этого усилится давление китайских производителей на рынок Старого континента. Вполне вероятно, что в ближайшие несколько месяцев предвыборной кампании протекционистские позиции в США усилятся, например, в сталелитейной промышленности.

Cleveland-Cliffs выступила с предложением купить US Steel, назвав сумму 7,3 млрд долл. Основанная в 1901 г., US Steel была ведущим мировым сталелитейным гигантом в 1950-х гг., а сегодня находится на 27-м месте. Она уже 2 года отсутствует в наших рейтингах и зависла около 230-й позиции среди американских компаний. US Steel отклонила предложение Cleveland-Cliffs, которая пользовалась поддержкой профсоюза USW (United Steelworkers) в том числе по причинам связанным с рабочими местами; вместо этого она приняла предложение японской Nippon Steel (четвёртой по величине сталелитейной группы мира) – гиганта из страны-союзника, ориентирующегося на американский инфраструктурный рынок и предложившего в два раза большую сумму. Этот вопрос всё ещё рассматривается вашингтонскими властями, но Байден уже высказался против соглашения, добавив, что «жизненно важно, чтобы собственность и управление» US Steel оставались американскими.

Гигантское стимулирование
и базовые возможности

По итогам 2023 г. экономика США выросла гораздо больше, чем экономика еврозоны – 2,5 против 0,5 % ВВП. Наблюдая за этой тенденцией, *The Economist* несколько раз писал, что всё это «слишком хорошо, чтобы быть правдой, мировая экономика идёт против гравитации и долго так продолжаться не может», и добавлял, что инфраструктурная программа стоимостью 1,2 трлн долл. является «гигантским стимулом» для американской экономики, но увеличивает долг, угрожает роли доллара как резервной валюты и приводит к ситуации, когда процентные выплаты будут превышать затраты на оборону.

Другие источники подчёркивают сильные стороны экономики США. У неё есть технологический сектор (например, облачные вычисления), не имеющий аналогов в других странах, в то время как Европа специализируется на отраслях, которые непосредственно сталкиваются с китайской конкуренцией, таких как электромобили. США имеют более разветвлённую финансовую систему, которая питает инновационную промышленность, и располагают избытком энергии. Демограф Массимо Ливи Баччи отмечает, что население страны растёт за счёт привлечения иммигрантов и их лучшей ассимиляции.

Наконец, *Financial Times* (13 мая) приводит интересные данные о кон-

центрации компаний и, соответственно, их способности больше инвестировать и использовать новые технологии. Член исполнительного комитета ЕЦБ Изабель Шнабель указывает: в США 60 % занятых в частных фирмах работают в компаниях, где трудятся более 250 сотрудников, а в Европе этот показатель колеблется от 12 % в Греции до 37 % в Германии.

В 2023 г. оборот 100 крупнейших групп Америки вырос на 5 %. За предыдущие два года их выручка выросла вдвое. Однако за 3 года после 2020 г., испытавшего эффекты пандемии, общие доходы выросли с примерно 8,8 трлн до более чем 12 трлн долл., увеличившись на 36 %.

В 2023 г. прибыль выросла на 16,5 %, увеличившись вдвое по сравнению с 2020 г. Прибыли в основном приходятся на группы из сектора ИТ и Интернета (30 % от общего объёма), банковского (13 %) и энергетического секторов (9 %); всего чуть более 20 компаний аккумулируют более 50 % прибыли. Поскольку восстановление Америки характеризуется инвестициями в инфраструктуру, можно отметить прибыль компаний *Caterpillar* и *Deere* (землеройная техника), которая выросла на 50 % по сравнению с прошлым годом.

Наконец, следует отметить, что с восстановлением транспорта «взлетели» и прибыли *Delta*, *United* и *American Airlines*. IATA (Международная ассоциация воздушного транспорта) утверждает, что средняя прибыль на каждого перевезённого пассажира в мире составляет 6,14 долл., но концентрация перевозчиков в Северной Америке доводит местный показатель до 14,8 долл., что в 2,5 раза превышает общемировые цифры.

Прибыли и спор с UAW

На авторынке США в прошлом году было продано 15,5 млн автомобилей. Лидером рынка является *General Motors* с 2,6 млн шт., на третьем месте *Ford* с 2 млн, уступившая японской *Toyota*; рынок в целом вырос на 12,4 %, при этом рост GM был выше среднего (+14 %), а рост *Ford* – ниже (+7 %).

Количество проданных электромобилей только что превысило 1 млн шт., что составляет около 7,5 % продаж – меньше, чем ожидалось. Из-за низкого спроса компания по прокату *Hertz* решила продать треть из 60 тыс. своих электромобилей. GM перенесла начало производства двух моделей электрических пикапов на заводе *Orion* (Детройт) на конец 2025 г. *Ford* вдвое сократила производство «F-150 Lightning»; компания утверждает, что заработает 2,5 тыс. долл. за каждый проданный автомобиль с двигателем внутреннего сгорания и потеряет 62 тыс. долл. за каждый автомобиль с аккумуляторным питанием.

GM и *Ford* работают над тем, чтобы получить прибыль от модернизации автомобилей, которые они продают на своём богатом внутреннем рынке. Эта стратегия окупается сразу, пишет *Washington Post*, но подразумевает «географическое отступление». На самом важном мировом рынке – китайском – доля первой компании составляет 8 %, второй – 2 %.

Tesla добилась своей цели по продаже 1,8 млн автомобилей по всему миру: на американском рынке у неё сейчас нет конкурентов, на мировом её догоняет китайская *BYD*, которая в 2023 г. продала 1,57 млн электромобилей. Во время поездки в Китай Илон Маск получил разрешение использовать более

автономную версию своего автопилота: собранные данные могут быть полезны для защиты позиций на рынке. Тем временем *Tesla* объявила о сокращении 14 тыс. человек, то есть 10 % своей рабочей силы.

Для американской автомобильной промышленности характерен спор с UAW. Профсоюз воспользовался благоприятной ситуацией с занятостью и большой прибылью, накопленной компаниями, и добился повышения заработной платы на 25 % и сокращения периода ограничения заработной платы для новых сотрудников. Между тем UAW выиграл референдум в апреле и получил право войти на завод *Volkswagen* в Чаттануге (Теннесси), нацелившись и на другие заводы на юге США, где нет профсоюзов.

Ставка на ИИ

Американская технологическая индустрия является точкой пересечения интересов двух сторон: антимонопольных органов и капитала, стекающегося на Уолл-Стрит. Министерство юстиции, прокуратура нескольких штатов и Федеральная торговая комиссия привлекли *Google*, *Amazon* и *Apple* к ответственности по отдельным делам, обвинив их в злоупотреблении своим доминирующим положением на рынке поисковых движков в Интернете, а также в отношениях с компаниями, которые используют магазины приложений или электронную коммерцию. Легко спрогнозировать, что судебные разбирательства, в том числе апелляционные, продлятся ещё долго.

В начале этого года капитализация на фондовом рынке так называемой «Великолепной семёрки» (*Alphabet-Google*, *Amazon*, *Meta*, *Microsoft*, *Apple*, *Tesla* и *Nvidia*) составила более 12,5 трлн долл. На данный момент этот феномен по большей части связан с потенциальными разработками генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Первые четверо заявили, что вложат около 200 млрд долл. в открытие дата-центров в 2024 г. и будут ежегодно наращивать вложения на 45 %.

The Economist пишет, что есть риск излишне инвестировать в эту инфраструктуру. По данным *Boston Consulting Group*, 70 % американских менеджеров выступают за использование корпорациями технологий, связанных с ИИ, но разумно начинать с небольших и ограниченных тестов. *Microsoft* инвестировала 13 млрд долл. в *OpenAI*, одной из её целей был перезапуск с использованием *ChatGPT* своей поисковой системы «Bing», доля которой выросла с 2,4 до 3,4 %, не влияя при этом на доминирование *Google*.

Много надежд возлагается на перезапуск мирового рынка смартфонов и персональных компьютеров с появлением новых моделей, способных использовать функции искусственного интеллекта (например, синхронный перевод разговоров), благодаря использованию новых процессоров мощностью несколько десятков TOPS (триллионов операций в секунду).

Apple только что запустила *Operation AI*, что означает *Apple Intelligence*, заключив соглашение с *OpenAI*; в ближайшие месяцы предстоит увидеть, последуют ли компромиссы с *Google* и *Microsoft*.

С капитализацией в 3 трлн долл. *Nvidia* стоит на фондовом рынке столько же, сколько её 8 конкурентов в мире полупроводников вместе взятые; сейчас у неё нет конкурентов в области чипов, используемых для функций искусственного интеллекта. *Intel* на-

целена на долгосрочную перспективу: благодаря «*Chips Act*» она получила значительное государственное финансирование. Через 10 лет объём производства чипов на американской земле может вырасти с 60 до 180 млрд долл. в год, и калифорнийская группа рассчитывает оказаться в числе главных протагонистов.

Военная реструктуризация

В течение следующих 5 лет на долю *Boeing* и *Lockheed Martin* должно прийти 57–60 % оборота мирового рынка истребителей и военно-транспортных самолётов, однако за 2 года после начала конфликта на Украине их рыночная стоимость выросла лишь на 25 % по сравнению с четырёхкратным ростом капитализации немецкой *Rheinmetall*. *Boeing* закрыла 2023 г. в минусе (что происходит пятый год подряд) с потерями как в коммерческом подразделении (которое должно пересмотреть критерии безопасности в цикле производства реактивных самолётов), так и в военном.

SIPRI отмечает, что рост военного оборота крупных американских групп не соответствует росту заказов. По мнению исследователей *Stockholm Institute*, компании по-прежнему страдают от логистической неразберихи, дезорганизации поставок и гигантизма, что приводит к медлительности в выходе на необходимые ритмы.

В 2025 г. ВМС США закажут у верфей *General Dynamics* и *HII* только одну ударную подводную лодку «*Virginia*» вместо двух. Намерение в том, чтобы избежать узких мест в производстве и в то же время сэкономить 4 млрд долл., которые будут направлены на реструктуризацию. В 1975 г. американские верфи были первыми в мире по производству коммерческих судов, сегодня они 19-е (1 % рынка), а доля Китая выросла до 50 %. Вашингтон договаривается с Токио о том, чтобы обслуживание и ремонт военных кораблей Тихоокеанского флота было организовано на японских верфях, что позволит освободить место на американских верфях для нового производства.

После листинга своих подразделений медицинского оборудования и энергетических систем *General Electric* стала GE Aerospace. Старый промышленный гигант исчез, новая компания будет заниматься производством двигателей для гражданских и военных самолётов. Двигатель «*Leap*», произведённый на совместном с французской *Safran* предприятии, используется на 75 % узкофюзеляжных самолётов *Boeing* и *Airbus*. 70 % доходов GE Aerospace поступает от технического обслуживания и ремонта 44 тыс. гражданских и 26 тыс. военных двигателей, присутствующих в мире, и прибыль от этой деятельности, по мнению высшего руководства группы, должна удвоиться и достигнуть 10 млрд долл. к концу десятилетия.

Банки и
розничная торговля

Одним из последствий напряжённых отношений между США и Китаем является сокращение числа китайских компаний, намеревающихся разместиться на Уолл-стрит. До 2020 г. доходы крупных нью-йоркских банков за посредническую роль в этих операциях составляли 1/3 их азиатских доходов, а в 2022 г. эта цифра снизилась всего до 6 %. Важный и многообещающий объём сделок практически исчез, но многое всё же осталось.

ЛЬНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ВОЕННЫМ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕМ

Financial Times подсчитала, что в III квартале 2023 г. балансы 4.400 американских банков закрылись с падением прибыли на 5 %, в то время как балансы JPMorgan Chase, Wells Fargo, Bank of America и Citigroup росли и составили 45 % прибылей всех американских банков. Это стало возможным, потому что они платят клиентам по ставке 2 % по сравнению с 3 % в среднем для региональных учреждений. При этом крупные банки в нашем рейтинге сократили штат сотрудников на 30 тыс. человек. JPMorgan открыла Chase Media Solutions – подразделение, которое будет собирать агрегированные данные о клиентах по потребительским группам, чтобы адресовать им рекламу, оплаченную авиакомпаниями, отелями и торговыми сетями.

Крупная розничная торговля иначе отражает восстановление экономики после пандемии. У супермаркетов товаров для дома Home Depot и Lowe's упала выручка, которая за период локдауна выросла на 17 %. CVS Health и Walgreens Boots Alliance сокращают количество аптек в управлении, которые открывались в основном для продажи парафармацевтических, растительных и косметических продуктов и теперь конкурируют с компаниями из сектора электронной коммерции, такими как ALDI или Sephora. Walmart закрывает 51 медицинский центр, открытый в 2019 г. для оказания стоматологической, офтальмологической и психологической помощи. Напротив, сеть Costco вышла победителем из периода высокой инфляции. Число её членов выросло с 55 до 75 млн; заплатив 60 долл. в год за членскую карту, они могут получить доступ к покупке предметов домашнего обихода со скидкой, если они приобретаются в больших количествах.

Сланцевая нефть и улавливание CO2

Осенью прошлого года Exxon Mobil купила Pioneer Natural Resources за 64,5 млрд долл. Её конкурент Chevron немедленно отреагировала, приобрела Hess Corporation за 60 млрд долл. Весной этого года ConocoPhillips приобрела Marathon Oil за 22,5 млрд долл. Эти операции касаются консолидации месторождений сланцевой нефти, 2/3 которых оказались под контролем 6 компаний. Благодаря этим приобретениям производственные мощности Exxon Mobil и Chevron вместе взятые превышают производственные мощности Saudi Aramco.

Американские компании бросают вызов гипотезе МЭА (Международного энергетического агентства), прогнозирующего пик мировой добычи нефти к 2030 г. По словам главы Chevron Майка Вирта, эти прогнозы «даже отдаленно не соответствуют действительности; можно расписывать сценарии, но мы живём в реальном контексте и должны распределять капитал на основе мирового спроса» (Financial Times, 24 октября 2023 г.).

Парадокс заключается в том, что нефтяные компании США также хотят получить субсидии, обещанные Вашингтоном на экологические инициативы, такие как улавливание CO₂, но сталкиваются с nimby-оппозицией (not in my back yard) фермеров Луизианы, Северной Дакоты и Монтаны. «Если это безвредно, – рассказывает один из них Washington Post (13 мая), – почему бы вам не сделать это в Вашингтоне? Они отвечают: не можем, там слишком много людей».

Lotta comunista, июнь 2024 г.

100 КРУПНЫХ ГРУПП США В ЦИФРАХ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ И ТОРГОВЫЕ КОМПАНИИ (в миллионах долларов)	Штат	ОБЪЁМ ПРОДАЖ		ЧИСТАЯ ПРИБЫЛЬ (1)		АКТИВЫ		СОБ. КАПИТАЛ		КОЛ-ВО ЗАНЯТЫХ	
		2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022	2023	Разн. в % к 2022
Лёгкая и текстильная промышленность											
NIKE	Орегон	51.217	+9,6	5.070	-16,1	37.531	-6,9	14.004	-8,4	83.700	+5,8
Аэрокосмическая и оборонная промышленность											
BOEING	Иллинойс	77.794	+16,8	-2.222	+55,0	137.012	-0,1	-17.233	-8,5	171.000	+9,6
RAYTHEON TECHNOLOGIES (RTX)	Вирджиния	68.920	+2,8	3.195	-38,5	161.869	+1,9	59.798	-17,7	185.000	+1,6
LOCKHEED MARTIN	Мэриленд	67.571	+2,4	6.920	+20,7	52.456	-0,8	6.835	-26,2	122.000	+5,2
GENERAL DYNAMICS	Вирджиния	42.272	+7,3	3.315	-2,2	54.810	+6,3	21.299	+14,7	111.600	+4,8
NORTHROP GRUMMAN	Вирджиния	39.290	+7,3	2.056	-58,0	46.544	+6,4	14.795	-3,4	101.000	+6,3
HONEYWELL INTERNATIONAL	Нью-Джерси	36.662	+3,4	5.658	+13,9	61.525	-1,2	15.856	-5,0	95.000	-2,1
Производство продуктов питания, напитков, табачных изделий											
CARGILL	Миннесота	176.700	+7,1	3.810	-43,0	nd	nd	nd	nd	160.000	+3,2
ARCHER DANIELS MIDLAND	Иллинойс	93.935	-7,5	3.483	-19,7	54.631	-8,6	24.132	-0,6	41.008	-0,4
PEPSICO	Нью-Йорк	91.471	+5,9	9.074	+1,8	100.495	+9,0	18.505	+7,9	318.000	+1,0
TYSON FOODS	Арканзас	52.881	-0,8	-648	-120,0	36.251	-1,5	18.133	-8,0	139.000	-2,1
COCA-COLA	Джорджия	45.754	+6,4	10.714	+12,3	97.703	+5,3	25.941	+7,6	79.100	-4,1
MONDELEZ INTERNATIONAL	Иллинойс	36.016	+14,4	4.959	+82,5	71.391	+0,3	28.332	+5,4	91.000	=
STARBUCKS	Вашингтон	35.976	+11,6	4.125	+25,7	29.446	+5,2	-7.995	+8,2	381.000	-5,2
KRAFT HEINZ	Пенсильвания	26.640	+0,6	2.855	+20,8	90.339	-0,2	49.526	-1,2	36.000	-2,7
Автомобили и комплектующие – сельскохозяйственная и строительная техника											
FORD MOTOR	Мичиган	176.191	+11,5	4.347	+319,4	273.310	+6,8	42.773	-1,1	177.000	+2,3
GENERAL MOTORS	Мичиган	171.842	+9,6	10.127	+1,9	273.064	+3,4	64.286	+2,8	163.000	-2,4
TESLA	Калифорния	96.773	+18,8	14.997	+19,4	106.618	+29,5	62.634	+40,1	140.473	+9,9
CATERPILLAR	Иллинойс	67.060	+12,8	10.335	+54,1	87.476	+6,8	19.494	+22,8	113.200	+3,8
DEERE	Иллинойс	61.251	+16,5	10.166	+42,6	104.087	+15,6	21.785	+7,5	82.956	+0,9
Химия – фармацевтика – производство резины											
JOHNSON & JOHNSON	Нью-Джерси	95.195	+0,3	35.153	+95,9	167.558	-10,6	68.774	-10,5	131.900	-13,6
PROCTER & GAMBLE	Огайо	82.006	+2,3	14.653	-0,6	120.829	+3,1	46.777	+0,4	107.000	+0,9
MERCK	Нью-Джерси	60.115	+1,4	365	-97,5	106.675	-2,3	37.581	-18,3	71.000	+4,4
Pfizer	Нью-Йорк	58.496	-41,7	2.119	-93,2	226.501	+14,9	89.014	-6,9	88.000	+6,0
ABB VIE	Иллинойс	54.318	-6,4	4.863	-58,9	134.711	-2,9	10.360	-40,0	50.000	=
BRISTOL MYERS SQUIBB	Нью-Йорк	45.006	-2,5	8.025	+26,8	95.159	-1,7	29.430	-5,3	34.100	-0,6
DOW	Мичиган	44.622	-21,6	589	-87,1	57.967	-4,3	18.607	-10,2	35.900	-5,0
ABBOTT LABORATORIES	Иллинойс	40.109	-8,1	5.723	-17,5	73.214	-1,6	38.603	+5,2	114.000	-0,9
3M	Миннесота	32.681	-4,5	-6.995	-221,1	50.580	+8,9	4.807	-67,3	85.000	-7,6
Торговля											
WALMART	Арканзас	648.125	+6,0	15.511	+32,8	252.399	+3,8	83.861	+9,3	2.100.000	=
CVS HEALTH	Род-Айленд	357.776	+10,9	8.344	+93,6	249.728	+9,4	76.461	+7,0	300.000	=
MCKESSON	Калифорния	276.711	+4,8	3.560	+219,6	62.320	-1,5	-1.857	+18,3	48.000	-27,8
CENCORAa	Пенсильвания	262.173	+9,9	1.745	+2,7	62.559	+10,6	522	+346,2	44.000	+6,0
COSTCO	Вашингтон	242.290	+6,8	6.292	+7,7	68.994	+7,5	25.058	+21,4	316.000	+3,9
CARDINAL HEALTH	Огайо	205.012	+13,0	261	+128,0	43.417	-1,1	-2.852	-302,3	47.520	+3,2
HOME DEPOT	Джорджия	152.669	-3,0	15.143	-11,5	76.530	+0,1	1.044	-33,2	463.100	-1,8
KROGER	Огайо	150.039	+1,2	2.164	-3,6	50.505	+1,8	11.615	+15,7	414.000	-3,7
WALGREENS BOOTS ALLIANCE	Иллинойс	139.081	+4,8	-3.080	-171,0	96.628	+7,2	20.020	-20,8	268.500	+2,3
TARGET	Миннесота	107.412	-1,6	4.138	+48,8	55.356	+3,8	13.432	+19,6	415.000	-5,7
LOWE'S	Северная Каролина	86.377	-11,0	7.726	+20,0	41.795	-4,4	-15.050	-5,6	226.000	-7,6
Электромеханика – электроника											
DELL TECHNOLOGIES	Техас	88.425	-13,6	3.211	+31,5	82.089	-8,4	-2.404	+23,0	120.000	-9,8
GENERAL ELECTRIC	Коннектикут	67.954	-11,2	9.481	+413,8	163.045	-13,2	27.378	-24,7	125.000	-27,3
IBM	Нью-Йорк	61.860	+2,2	7.502	+357,7	135.241	+6,3	22.533	+2,7	296.600	-2,1
NVIDIA	Калифорния	60.922	+125,9	29.760	+581,3	65.728	+59,6	42.978	+94,5	29.600	+13,0
CISCO SYSTEMS	Калифорния	56.998	+10,6	12.613	+6,8	101.852	+8,4	44.353	+11,5	84.900	+1,9
INTEL	Калифорния	54.228	-14,0	1.689	-78,9	191.572	+5,2	105.590	+4,1	124.800	-5,4
HEWLETT PACKARD	Калифорния	53.718	-14,7	3.263	+1,9	37.004	-4,1	-1.069	+63,4	58.000	=
THERMO FISHER SCIENTIFIC	Массачусетс	42.857	-4,6	5.995	-13,7	98.726	+1,6	46.735	+6,3	122.000	-6,2
QUALCOMM	Калифорния	35.820	-19,0	7.232	-44,1	51.040	+4,1	21.581	+19,8	50.000	-2,0
Энергетика											
EXXON MOBIL	Техас	344.582	-16,7	36.010	-35,4	376.317	+2,0	204.802	+5,0	61.500	-0,8
CHEVRON	Калифорния	209.949	-18,4	21.369	-39,7	261.632	+1,5	160.957	+1,1	45.600	+4,0
MARATHON PETROLEUM	Огайо	150.307	-16,5	9.681	-33,3	85.987	-4,4	24.404	-11,9	18.200	+2,2
PHILLIPS 66	Техас	149.890	-14,7	7.015	-36,4	75.501	-1,2	30.583	+3,7	14.000	+7,7
VALERO ENERGY	Техас	139.001	-18,8	8.835	-23,4	63.056	+3,4	26.346	+11,8	9.897	+1,6
KOCH INDUSTRIES	Канзас	125.000	=	nd	nd	nd	nd	nd	nd	120.000	=
ENERGY TRANSFER	Техас	78.586	-12,6	3.935	-17,3	113.698	+7,6	36.682	+11,1	13.786	+9,7
CONOCOPHILLIPS	Техас	58.574	-28,7	10.957	-41,3	95.924	+2,2	49.279	+2,7	9.900	+4,2
Информатика – Интернет											
AMAZON	Вашингтон	574.785	+11,8	30.425	+1217,7	527.854	+14,1	201.875	+38,2	1.525.000	-1,0
APPLE	Калифорния	383.285	-2,8	96.995	-2,8	352.583	=	62.146	+22,6	161.000	-1,8
ALPHABET (GOOGLE)	Калифорния	307.394	+8,7	73.795	+23,0	402.392	+10,2	283.379	+10,6	182.502	-4,1
MICROSOFT	Вашингтон	211.915	+6,9	72.361	-0,5	411.976	+12,9	206.223	+23,8	221.000	=
META (FACEBOOK)	Калифорния	134.902	+15,7	39.098	+68,5	229.623	+23,6	153.168	+21,8	67.317	-22,2
ORACLE	Калифорния	49.954	+17,7	8.503	+26,6	134.384	+23,0	1.073	+117,3	164.000	+14,7
HEWLETT PACKARD ENTERPRISE	Калифорния	29.135	+2,2	2.025	+133,3	57.153	+0,1	21.182	+6,6	62.000	+3,0
СМИ											
DISNEY	Калифорния	88.898	+7,5	2.354	-25,2	205.579	+1,0	99.277	+4,5	199.125	+1,7
WARNER BROS. DISCOVERY	Нью-Йорк	41.321	+22,2	-3.126	+57,6	122.757	-8,4	45.226	-4,0	35.300	-5,9
NETFLIX	Калифорния	33.723	+6,7	5.408	+20,4	48.732	+0,3	20.588	-0,9	13.000	+1,6
Металлургия											
NUCOR	Северная Каролина	34.714	-16,4	4.525	-40,5	35.341	+8,8	20.941	+13,7	32.000	+1,9
CLEVELAND-CLIFFS	Огайо	21.996	-4,3	399	-70,1	17.537	-6,5	7.887	+1,2	28.000	+3,7
Медицина											
UNITED HEALTH	Миннесота	371.622	+14,6	22.381	+11,2	273.720	+11,4	88.756	+14,1	440.000	+10,0
CIGNA	Коннектикут	195.265	+8,2	5.164	-22,6	152.761	+6,1	46.223	+3,0	71.413	+1,7
ELEVANCE HEALTH	Индiana	171.340	+9,4	5.987	-0,6	108.928	+6,0	39.306	+8,3	104.900	+2,5
CENTENE	Миссури	153.999	+6,5	2.702	+124,8	84.641	+10,1	25.840	+7,4	67.700	-8,9
HUMANA	Кентукки	106.374	+14,5	2.489	-11,3	47.065	+9,3	16.262	+6,2	67.600	+0,7
HCA HEALTHCARE	Теннесси	64.968	+7,9	5.242	-7,1	56.211	+7,2	-1.774	+35,9	265.000	+5,8
Телекоммуникации											
VERIZON	Нью-Йорк	133.974	-2,1	11.614	-45,4	380.255	+0,2	92.430	+1,4	105.400	-10,0
AT&T	Техас	122.428	+1,4	14.400	+268,9	407.060	+1,0	103.297	+5,9	150.470	-6,4
COMCAST	Пенсильвания	121.572	+0,1	15.388	+186,6						

Слепые и зрячие

В августе газета *Il Foglio* выпустила репортаж о «лаборатории Монфальконе». Этот фриульский город взят в качестве модели будущего Италии: «страна стариков». Однако верфи, жизненно важный элемент городской экономики, демонстрируют другую сторону, неотделимую от первой: «половина рабочих – итальянцы, остальные – представители более чем 60 различных национальностей». Из 800 рождающихся здесь детей почти половина – иностранного происхождения, прежде всего – бенгалцы.

Будущее Италии

Будущее Италии можно продемонстрировать «математически», в том смысле, что оно уже заложено в цифрах сегодняшней демографической реальности. Никто не может игнорировать эти факты, даже правительство. Так, в 14-м докладе «Иностранцы на рынке труда в Италии», подготовленном Министерством труда и социальной политики, отмечается постепенное старение населения и, соответственно, сокращение рабочей силы: к 2050 году доля жителей в возрасте от 15 до 64 лет сократится на 9 пунктов, с 63,5 до 54,3 % от общей численности населения. Уже сейчас, в 2024 году, средний возраст итальянских граждан («коренных жителей») составляет 47,1 года, увеличившись на пять с половиной лет с 2002 года. На этом фоне средний возраст иностранных граждан в Италии составляет 35,9 лет, что на 11 лет меньше. Однако мигранты тоже стареют. Это ещё один аргумент в пользу привлечения большего числа молодых иммигрантов: это единственный способ контролировать старение.

Это признаёт и Сальваторе Росси, бывший генеральный директор Bankitalia (*Il Foglio*, 4 сентября): идея стимулировать экономический рост за счёт повышения уровня занятости и производительности труда, а тем более рождаемости, сталкивается с проблемой сроков, необходимых для смены поколений: в связи с этим сейчас срочно необходимы «постоянные иммигранты, которые знают или быстро учат итальянский язык». Более того, хорошо известно, что «эмигрируют не те, кто очень беден и неграмотен, а те, кто обладают знаниями и решимостью». Проблема, предупреждает он, заключается в том, что «приём и легализация требуют больших усилий и организационного интеллекта», в существовании которого он сомневается.

На деле же, мы видим, сколько усилий прикладывает, чтобы создать иммигрантам больше препятствий: от соглашений с ливийскими головорезами, призванных сократить число тех, кто может выбраться из Африки (из-за чего потенциальные рабочие-иммигранты гибнут в пустыне), до многочисленных бюрократических препон, усложняющих жизнь тем, кто уже приехал – вплоть до мелких пакостей, как в Монфальконе, где, с целью избежать «сборищ» – очевидно, мигрантов, – решили демонтировать скамейки на городской площади.

Всё то же правительство, которое в моменты «прозрения» осознавало необходимость увеличения въездных потоков, опять взялось за старое и лишила всех иммигрантов, даже прибывших из других европейских стран, права на получение пособия на пер-

вого ребёнка, что привело к обращению в Суд ЕС в июле.

Их политика и наша политика

В том, как их политика решает стратегический вопрос иммиграции, кроется очевидный парадокс. На это указывает исследование Венецианского университета Ка-Фоскари, опубликованное 12 августа в *Journal of Public Economics*. На сайте университета оно представлено следующим образом: «В силу своего рода парадокса поколений, в демографически стареющих обществах выбор пожилых людей при голосовании склоняется в пользу ограничительной иммиграционной политики». Вместо этого даже «на интуитивном уровне избиратель, который пользуется пенсиями и услугами, подпитываемыми за счёт налоговых поступлений, должен положительно относиться к въезду в страну молодых работников, вносящих вклад в государственные финансы».

Проблема состоит не только в шизофреническом поведении. Дело в том, что эти пожилые, не лишённые капитала и, как следствие, боязливые социальные слои являются электоральной базой всех парламентских партий, готовых ради их голосов играть со стратегическими вопросами, такими как иммиграция. Именно поэтому ни одно правительство, какого бы цвета оно ни было, никогда не считало нужным продвигать возможность получения гражданства для детей иммигрантов.

Более того, иммиграционный вопрос является «чувствительным» не только в Италии: он стал общим знаменателем для многочисленных электоральных восстаний, которые повсеместно вспыхивают на политическом ландшафте, а также основой следующей за ними политики в духе «закона и порядка».

Тем не менее, как мы уже убедились, достаточно и тех, кто смотрит на демографическую перспективу. Нередко они делают и некоторые расчёты. Клаудио Сераса, редактор *Il Foglio*, пишет: «Чем помочь им на их родине, лучше поможем им у нас дома» (24 августа). Ещё более реалистичен экономист Микеле Тирабоски: «Возможно, это звучит цинично, но «новые итальянцы» внесут более чем весомый вклад в то, чтобы наши счета оставались в порядке» (*Il Messaggero*, 24 августа).

Мы же смотрим на миграционный феномен с классовой точки зрения: мигранты составляют всё более важную часть нашей силы. В Италии иностранцы составляют 11 % работающих по найму, то есть более двух миллионов человек, мигрантом является каждый девятый. К ним следует добавить тех, кто со временем успел получить итальянское гражданство: по оценкам ISTAT, в стране насчитывается миллион натурализованных иммигрантов старше 15 лет, около половины из которых работают (3 февраля 2023 г.).

В 14-м отчёте Министерства труда сообщается, что в 2023 году 35 % компаний, нанимавших работников, брали на работу иммигрантов: в основном это характерно для сельского хозяйства и строительства, но и в промышленности их доля составила 38 %. Причём это касается всех профессиональных уровней: с 2019 по 2023 год спрос на работников-иммигрантов вырос на 69 %, но при этом удвоился для квалифици-

Через год после 7 октября 2023 года война перекинулась на Ливан. Конечно, толчком для неё послужил погром, устроенный ХАМАС, но именно руины Газы останутся в истории как свидетельство величайшей бойни, когда-либо пережитой палестинским населением. В конце концов, именно этого хочет сама израильская буржуазия: террор в ответ на террор и библейская дикость устроенной резни должны восстановить силу сдерживания. Однако за вечной средневосточной войной открывается нечто большее. Это и кризис порядка в иерархии мировых капиталистических держав, потрясённой вторжением Китая. Это и банкротство национализмов арабской, израильской и даже иранской буржуазии, которые на протяжении столетий, лавируя между империалистическими державами или сговариваясь с ними, вцеплялись друг другу в глотку из-за нефтяных и газовых доходов. Только революционное единство пролетариата, 120 миллионов арабов, израильтян, турок, иранцев и даже индийских и бенгалских мигрантов, сможет стряхнуть власть этой обанкротившейся буржуазии и положить конец вековому опустошению.

Затем Украина. Два с половиной года войны, сто пятьдесят или двести тысяч жертв – точно не знает никто. Москва вцепилась в захваченные территории, США и ЕС ведут войну по доверенности, украинская буржуазия не знает, с кем договариваться – с Европой или с Россией. Когда наступит перемирие, речь будет идти о разделе между европейским и российским империализмами. И снова только интернационалистское единство российского, украинского и европейского пролетариата сможет противостоять смертоносной логике капитала, национализма и империализма.

Помните, говорили, что марксисты – это слепые орлы, которые летают высоко, но ничего не понимают, а либеральный воробей, прыгающий по земле, не претендует на абсолютные истины, но может гарантировать расширение свобод. Посмотрите на них сегодня, на эти мифы о либерализме, триумфе глобализованного капитала, который должен был уравнивать весь мир, и отбросить границы, государства и идеологии как пережитки древности. Как только с Востока пришёл новый претендент, Китай, паника охватила старые державы Запада. Сам либерализм снова берёт в руки старые, так и не выброшенные инструменты государственного интервенционизма, протекционизма и военного аппарата. Ракеты и атомные бомбы должны будут восстановить баланс страха и здесь. Европейские совраицы и популисты, национальный и религиозный фанатизм также вернутся на службу, причём именно в том виде, в котором они наилучшим образом проявили себя на Среднем Востоке. Капитал слеп. Только коммунизм может видеть мир таким, какой он есть, и поэтому знает, как бороться за его изменение.

рованных работников и вырос на 75 % для технических профессий.

Не все работники равны

Именно в этих секторах становится очевидной сегрегация иностранных работников по уровню заработной платы: «Доход работающих мигрантов составляет около 70 % от дохода местных жителей с тем же уровнем формального образования. Это один из самых низких показателей в ЕС. Он будет ещё ниже, если учитывать только мигрантов, проживающих в стране менее 10 лет».

Часто ссылаются на тот факт, что уровень женской занятости среди мигрантов ниже, чем у итальянцев: обычно объяснения сводятся к большему количеству детей или даже к «культурным факторам». В докладе приводится следующее наблюдение: «В отличие от коренных жителей, которые часто находят работу в государственном секторе, пользуясь более гибкими условиями труда и длительным отпуском по уходу за ребёнком, матери-мигрантки в большей степени представлены в простейших профессиях». Что касается безопасности, то мигранты также платят более высокую цену: риск несчастного случая на работе для них в два раза выше, чем для итальянцев. То же самое относится и к уровню абсолютной бедности, то есть невозможности пользоваться корзиной

товаров и услуг, которые считаются необходимыми: это касается 6,4 % семей, состоящих только из итальянцев, но 28,9 % семей с иностранцами и 33,2 % семей, состоящих исключительно из иностранцев. Разница – в пять раз.

Солидарное добровольчество и коммунистическая стратегия

На этой почве добровольчество солидарности рабочих кружков имеет широкие возможности для деятельности: от материальной поддержки самых обездоленных до школ итальянского, облегчающих поступление на работу и получение гражданства. Но здесь речь также идёт о почве для интернационалистской практики, где итальянские рабочие могут лично вести борьбу за классовое единство, конкретными действиями опровергая расистские идеологии и демагогию, направленную на то, чтобы разделить наёмных работников по языковому, этническому или религиозному признаку.

Это фундаментальный опыт, который в сочетании с расширением фронтов политической борьбы, ежедневно ведущейся рабочими кружками, может привести к развитию интернационалистского сознания. Сегодня это также одна из форм материалистического обретения сознания.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.

Социал-демократия и аграрная политика

I

Элементом кризиса конца XIX века, если брать его в глобальном масштабе, являлся аграрный кризис, поразивший Европу в последние десятилетия века.

Освоение новых территорий, в частности в Америке и Индии, стимулировало приток в Старый Свет дешёвых продуктов питания, вступивших в конкуренцию с продуктами европейских производителей.

Аграрный кризис и глобальный цикл

В начале 1899 года Ленин написал рецензию на книгу Парвуса «Мировой рынок и сельскохозяйственный кризис», где подчеркнул связь аграрного кризиса с мировым циклом. Ленин отметил, что вывод Парвуса «совпадает, в общем и целом, с мнением Энгельса, указавшего в III томе «Капитала» на то, что современный сельскохозяйственный кризис делается невозможными прежние ренты на землю, взимаемые европейскими землевладельцами». Ленин «усиленно» рекомендовал прочитать работу Парвуса прежде всего по следующей причине: «Она составляет прекрасный противовес [...] ходячим народническим рассуждениям о современном сельскохозяйственном кризисе, [в которых] факт кризиса рассматривается вне связи с общим развитием мирового капитализма, рассматривается не с точки зрения определённых общественных классов, рассматривается только для того, чтобы извлечь мещанскую мораль о жизнестойкости мелкого крестьянского хозяйства»¹.

Аригго Черветто сделал резюме анализа Энгельса по крестьянскому вопросу: «Возникновение капиталистических предприятий, конкуренция со стороны дешёвого хлеба из-за границы, потеря прав на использование земель на основе общинной собственности, умирание вспомогательной домашней промышленности, налогообложение, судебные иски и ростовщические ипотечные кредиты неотвратимо обрекали мелких крестьян на исчезновение». Это был процесс разложения деревни, в результате которого мелкому крестьянину суждено было стать пролетарием. «Но мелкие крестьяне, – продолжает Черветто, – остаются привязанными к (кажущейся) собственности. Обнищав, они ищут прибежища у крупных землевладельцев, которые требуют таможенных барьеров» (Ceretto A. *Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo*. Milano: Lotta Comunista, 2019). Разлагающееся и погрязшее в долгах крестьянство оказывалось в руках ростовщиков, а в Германии многие из его представителей попадали в ловушку антисемитских кампаний, отождествлявших евреев с ростовщиками.

В немецкой социал-демократии аграрный вопрос поднимался, в частности, такими фигурами, как Карл Грилленбергер (лидер социал-демократов Нюрнберга), Франц Йозеф Эрхардт из земли Рейнланд-Пфальц и, прежде всего, Георг фон Фольмар – защитник баварских крестьян. Следует помнить, что среди последних большинство являлись не батраками или сельскохозяйственными рабочими, а владельцами земли, носителями мелкобуржуазных требований в защиту мелкой и средней земельной собственности.

Дискуссии по аграрному вопросу начались ещё в I Интернационале: резолюции его Брюссельского (1868 г.) и Ба-

зельского (1869 г.) съездов установили принцип коллективизации земли.

Теперь же Фольмар утверждал, что социал-демократия должна обещать мелким и средним крестьянам защиту их собственности и гарантии от пролетаризации. На самом деле, социалисты не нравятся крестьянам, жаловался Фольмар, потому что предрекают их разорение в будущем из-за проникновения капитала в деревню, и не помогают им в настоящем.

Аграрный пропагандист

Историк Ганс Георг Леманн в книге «Die Agrarfrage in der Theorie und Praxis der deutschen und internationalen Sozialdemokratie» представляет нам характеристику Фольмара: выходец из древнего, но пришедшего в упадок дворянского рода из Баварии, он начал с карьеры офицера в 1865 году, но, прослужив недолгое время в папских добровольческих войсках, уже в 1869-м поступил на государственную службу транспорта Баварии. Статный мужчина почти двухметрового роста, он остался инвалидом после ранения в спину на Франко-прусской войне. Будучи редактором нелегального органа *Sozialdemokrat*, занимал высокую должность в партии в 1879–1980 гг., но подвергался критике за свой радикализм. В 1883 году он вернулся в Баварию, где женился на Юлии Чельберг, дочери крупного шведского промышленника.

В 1891 году Фольмар произвёл фурор своей речью в кафе «Эльдорадо» в Мюнхене, в которой заявил о своём переходе от левого радикализма к реформизму под лозунгом: «Доброй воле – протяните руку, злой воле – покажите кулак». В следующем году парижская газета *Revue bleue* опубликовала эссе Фольмара, в котором автор заявил о своих симпатиях к государственному социализму. Однако перед лицом нападок и просьб о разъяснениях он охотно опроверг свои тезисы и даже подписывал направленные против него ходатайства.

Поприщем Фольмара стала «охота за крестьянами и голосами», по выражению Августа Бебеля. В январе 1892 года в Мюнхене Фольмар создал орган аграрной пропаганды: еженедельник *Bauerischer Bürger- und Bauernfreund*. Даже внешне агитатор подстраивался под окружение: на некоторых фотографиях он одет в кожаные брюки, носки, горную куртку и шапку с пером. Фольмар находил оправдание своей пропаганде в простой статистике: в 1893 году в Баварии был 1 млн собственников земли, в то время как батраков – только 482.132. С другой стороны, он прекрасно знал, что симпатии крестьян-землевладельцев быстро улечиваются, как только ты пытаешься вести пропаганду среди их же батраков. Когда Франц Меринг попросил предоставить информацию о Баварии для своей «Истории германской социал-демократии», Фольмар 29 марта 1894 года ответил: «Здесь ещё живёт грубое крестьянское население. Никаких следов абстрактной рефлексии или мечтательности: формальный культурный импульс минимален. Религия действует просто как привычка и искусство. Политика, по существу, понимается чувством, теория почти не имеет смысла». Эти слова, замечает Леманн, характеризовали в то же время и «практику» Фольмара, который заявлял, что «с помощью

научных объяснений Маркса крестьянина нельзя обратить [в коммунизм]».

Показать реакционный характер аграрной пропаганды можно на примере того, как Грилленбергер и Фольмар отказались поддержать требование восьмичасового рабочего дня, принятое Эрфуртской программой: они утверждали, что баварским крестьянам часто всё ещё приходится работать по 15–16 часов в день.

Баварский оппортунизм

В целом, пишет Леманн, «аграрная политика подтвердила то, на что намекали «речи в кафе «Эльдорадо» и «дебаты о государственном социализме»: особую роль баварской социал-демократии внутри партии в целом». Для Фольмара Эрфуртская программа «была лишь формально убедительна», в то время как «практика» привела его к пренебрежению классовыми интересами, «чтобы не раздражать крестьян-собственников».

В эти годы Рабочая партия Франции (РПФ) на съездах в Марселе (1892 г.) и Нанте (1894 г.) разработала аграрную программу – с целью расширить поддержку среди крестьян на выборах. На Франкфуртском съезде СДПГ (21–27 октября 1894 года) Фольмар, поддержанный депутатом из Гессена Эдуардом Давидом и депутатом от Саксонии и редактором *Leipziger Volkszeitung* Бруно Шенланком, заявил, что партия должна прислушиваться к собственническим страхам крестьян, не дожидаясь, пока они двинутся к социализму, и добивался от съезда создания комиссии для подготовки аграрной программы.

Фольмар лишь подтвердил свой собственный партикуляризм: он подчёркивал специфику «баварской ситуации» и «баварского менталитета», которые якобы трудно понять «северным немцам», шутил над «берлинцами» и говорил об их «старопрусском фельдфебельском духе». Бебель ответил речью в Берлине, за которой последовали четыре статьи в *Vorwärts*, в которых автор раскритиковал политический оппортунизм баварского течения и отказ от теоретических принципов, в частности классового критерия.

В письме Фридриху Адольфу Зорге от 4 декабря 1894 года Энгельс характеризовал Фольмара как склонного к тенденциям межклассовости и буржуазной рабочей партии: «Баварцы сделались очень и очень оппортунистичными и превратились чуть ли не в обычную народную партию». Он также высказал и чёткое суждение о Бебеле: «Словом, так дело нельзя было оставить, и тут-то вмешался Бебель [...]. Из всех этих людей у Бебеля, безусловно, самая ясная и самая проницательная голова. Я уже лет 15 регулярно переписываюсь с ним, и мы почти всегда сходимся во мнениях»².

Энгельс и Нантский съезд

В предыдущем письме Зорге от 10 ноября Энгельс так охарактеризовал обстоятельства дискуссии: «На континенте по мере того, как движение разрастается, увеличивается и стремление к ещё большим успехам, а охота на крестьян, в буквальном смысле этого слова, входит в моду. Сначала французы устами Лафарга заявили в Нанте, что не только не наше дело непосредственно ускорять разорение мелкого крестьянства – для нас об этом позаботится капитализм

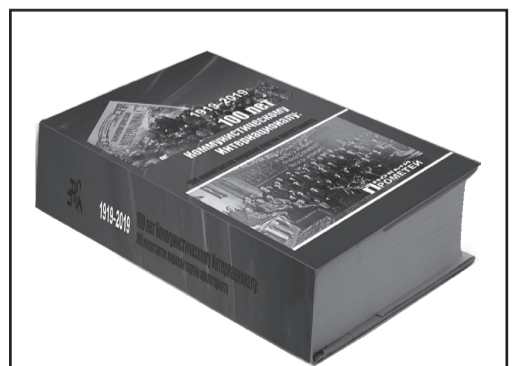
(о чём я им писал), – но что нужно прямо защищать мелкого крестьянина против фиска, ростовщиков и крупных землевладельцев. Но с этим мы уж согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а во-вторых – и невозможно. Вслед за этим во Франкфурте выступает Фольмар и намеревается подкупить крестьян вообще, причём крестьянин, с которым он имеет дело в Верхней Баварии, не то, что прирейнский, задавленный долгами мелкий крестьянин, а средний и даже крупный крестьянин, эксплуатирующий батраков и батрачек и в крупных масштабах торгующий скотом и хлебом. А с этим без отказа от всех принципов согласиться невозможно»³.

В том же месяце Энгельс был вынужден выступить публично, поскольку, по сообщениям партийной печати, Фольмар на Франкфуртском съезде ссылался на резолюции Нантского съезда французских социалистов, которые, по мнению баварца, «явно снискали бы одобрение Фридриха Энгельса».

Сам же Энгельс уже 12 ноября написал в редакцию *Vorwärts*, резюмируя два заявления, посланные им Нантскому съезду: «Первое, сделанное до съезда [...]: развитие капитализма неминуемо ведёт к уничтожению мелкокрестьянской земельной собственности». У рабочей партии нет оснований ускорять этот процесс своим вмешательством: «Поэтому против правильно намеченных мер, имеющих целью сделать для мелких крестьян их неизбежную гибель менее мучительной, принципиально ничего возразить нельзя; но если идут дальше, если желают навеки сохранить мелкого крестьянина, то стремятся, по моему мнению, к экономически невозможному, жертвуют принципом, встают на реакционную точку зрения»⁴. Второе, по итогам съезда, подверг критике попытку французских социалистов «увековечить не только мелких крестьян-собственников, но и мелких крестьян-арендаторов, эксплуатирующих чужой труд».

Lotta comunista, сентябрь 2023 г.

- 1 – В. И. Ленин. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 61, 62.
- 2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 39. С. 277, 278.
- 3 – Там же. С. 257–258.
- 4 – Там же. Т. 22. С. 499.

**1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 миллионов
мировой партии пролетариата**
608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.

978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Социал-демократия и аграрная политика

II

После разъяснительного письма в *Vorwärts* Энгельс написал более обширную работу под названием «Крестьянский вопрос во Франции и Германии», опубликованную в декабре 1894 года в *Neue Zeit*. Там он подверг критике аграрную программу Рабочей партии Франции (РПФ), имея целью также дать ориентиры и немецкой партии.

Энгельс и крестьянский вопрос

Прежде всего, Энгельс подчёркивает важность крестьянского вопроса: «От Ирландии до Сицилии, от Андалузии до России и Болгарии крестьянин является весьма существенным фактором населения, производства и политической силы». «Исключением являются только две области Западной Европы. В собственно Великобритании крупное землевладение и крупное земледелие совершенно вытеснили живущего своим хозяйством крестьянина; в ост-эльбской Пруссии происходит в течение уже нескольких столетий тот же самый процесс».

Энгельс отмечает, что крестьянин проявлял себя до сих пор как политический фактор «в большинстве случаев только своей апатией» вследствие замкнутости деревенской жизни. Эта апатия огромной массы населения, продолжает он, – «сильнейшая опора не только парламентской коррупции в Париже и в Риме, но также и русского деспотизма»¹.

Мелкий крестьянин, находящийся под угрозой капиталистического развития и международной конкуренции, цепляется за свою собственность. Таким образом, буржуазия без труда могла «разрисовать [социалистических рабочих] перед крестьянской фантазией как *partageux*, как сторонников “делёжки”, как ленивых, жадных горожан, покушающихся на крестьянскую собственность», в то время как крупный землевладелец, которому точно также угрожает дешёвое зерно из-за границы, объявляет себя «передовым борцом за интересы мелкого крестьянина, и мелкий крестьянин – в общем и целом – признаёт его борцом за свои интересы».

При этом «социалистическая рабочая партия», пишет Энгельс, суть «крестьянского вопроса» понимает так: «[Может] ли эта партия спокойно оставить обречённого на гибель крестьянина в руках его лжезащитников, оставить до тех пор, пока крестьянин не будет превращён из пассивного в активного противника промышленных рабочих?»².

Кто поведёт деревню

Проблема использования крестьян как реакционной массы против пролетариата не раз возникала в истории марксизма. Энгельс приводит пример Франции, где крестьянство составляло массовую базу бонапартизма: «Неясные социалистические порывы февральской революции 1848 г. были быстро сметены реакционным гололованием французских крестьян; крестьянин, хотевший, чтобы его оставили в покое, извлёк из кладёза своих воспоминаний легенду о крестьянском императоре Наполеоне и создал Вторую империю. Все мы знаем, чего стоил французскому народу один этот подвиг крестьянства; от последствий этого подвига страдает французский народ и по сю пору»³.

Вопрос снова возник в эпоху Ленина. В 1906 году он призывал пролетариат самоорганизовываться: «Не доверяйте никаким хозяйчикам, хотя бы и мелким, хотя бы и “трудовым”». Когда у крестьян-хозяев появится земля, они выступят «про-

тив пролетариата», но тем необходимее «самостоятельная пролетарская организация». «Мы поддерживаем крестьянское движение до конца, но мы должны помнить, что это движение другого класса, не того, который может совершить и совершит социалистический переворот»⁴.

Ленин в 1919 году: «Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи. Город неизбежно ведёт за собой деревню. Деревня неизбежно идёт за городом. Вопрос только в том, какой класс, из “городских” классов, сумеет вести за собой деревню»⁵. Ленин решал крестьянский вопрос в условиях России, более отсталой, чем Европа: в то время как на Западе речь шла о том, чтобы убедить мелких землевладельцев, цепляющихся за землю, чтобы избежать пролетаризации, вступить в союз с рабочей партией, на Востоке крестьяне страдали прежде всего от феодальных пережитков.

Классовый критерий

В уже упомянутом сочинении 1894 года Энгельс указывает, что рабочая партия не может обманывать мелкого крестьянина, потворствуя его собственническому духу. Это было бы демагогическим обещанием перед лицом реальности проникновения капитала в деревню. Кроме того, необходимо было бороться с мелкобуржуазной и реакционной психологией сельских помещиков, особенно в Германии, где «антисемитские скрипки» сулили «райское блаженство»: «Если бы у французов была такая же шумная антисемитская демагогия, как у нас, то они вряд ли допустили бы нантскую ошибку»⁶.

Процесс капиталистического развития и разложения деревни подразумевает, что крестьянин – это «будущий пролетарий», пишет Энгельс: «В качестве такового он должен был бы охотно прислушиваться к социалистической пропаганде. Но этому пока ещё препятствует вошедшее у него в плоть и кровь чувство собственности. [...] склонен он видеть в социал-демократе, говорящем ему о передаче земельной собственности в руки всего общества, столь же опасного врага, как в ростовщике и адвокате».

Поэтому для социал-демократии речь шла о том, чтобы «бороться с этим пред-рассудком», чтобы предложить мелкому крестьянину перспективу, но «не изменяя самой себе»⁷. Энгельс добавляет уточнение, относящееся к баварскому случаю: «Я решительно отрицаю, чтобы перед социалистической рабочей партией какой бы то ни было страны стояла задача принимать в свои ряды, помимо сельских пролетариев и мелких крестьян, ещё и средних и крупных крестьян или даже арендаторов крупных имений, капиталистических скотоводов и других лиц, эксплуатирующих землю страны на капиталистический лад. [...] В нашей партии могут состоять отдельные лица из любого общественного класса, но отнюдь не группы, представляющие интересы капиталистов, средней буржуазии или среднего крестьянства»⁸. При решении аграрного вопроса, подчёркивает Энгельс, обязанность «нашей партии – всегда вновь и вновь разъяснять крестьянам абсолютную безнадежность их положения, пока господствует капитализм»⁹. Отсюда следует, что «сохранить... усадьбу и земельное владение [можно], только превратив их в кооперативное владение и кооперативное производство»¹⁰.

Энгельс замечает, что в Германии по мере буржуазного развития власть прусских юнкеров всё более теряет свою экономическую основу: «Великая реакцион-

ная сила, представляющая для Германии такой же варварский, захватнический элемент, каким русский царизм является для всей Европы, съёжится, как проколотый пузырь». Поэтому, добавляет Энгельс, всё ещё обращаясь к баварцам, «привлечение на нашу сторону ост-эльбских сельских пролетариев имеет гораздо более важное значение, чем привлечение западногерманских мелких крестьян или даже южногерманских средних крестьян»¹¹.

Аграрный вопрос и ревизионизм

На съезде СДПГ в Бреслау (6–12 октября 1895 г.) Августу Бебелю пришлось выступать посредником в остром внутрипартийном конфликте между так называемыми «реформистами», также называвшимися «аграриями» или «практиками», с одной стороны, и марксистскими «теоретиками», представленными прежде всего Карлом Каутским и Кларой Цеткин, – с другой. В итоге съезд, руководствуясь письмами Энгельса, подавляющим большинством отверг проект аграрной программы, который предлагал крестьянам государственную помощь и защиту их частной собственности.

16 июля Эдуард Давид опубликовал в *Neue Zeit* эссе под программным названием «Экономические различия между сельским хозяйством и промышленностью». В нём автор теоретизировал об особом характере сельского хозяйства, которое, по его мнению, не подчиняется марксистской теории, применимой к промышленности. Он ставил под сомнение процесс капиталистической концентрации в деревне и последующую пролетаризацию крестьян. Его целью было обеспечить межклассовую теоретическую основу для электорального оппортунизма и государственной реформистской практики в защиту мелкой буржуазии и земельной собственности.

В результате развернулась крупная теоретическая дискуссия, в которой против тезисов Давида, которые опровергались действительностью капиталистического развития, выступил прежде всего Каутский. При этом он не отрицал дальнейшего существования и воспроизводства мелкой буржуазии и мелкой и средней собственности, но господствующая тенденция заключалась в развёртывании гигантских процессов разложения крестьянства и пролетаризации, охвативших почти весь мир – от Европы до Америки и Азии. Эти процессы привели к тому, что в итоге численность городского населения обогнала численность сельского населения, и сегодня число наёмных работников превышает 2 млрд человек.

Если ранее реформистская пропаганда Фольмара ограничивалась рамками предвыборной деятельности, то эссе Давида стало попыткой теоретической ревизии марксизма: такие историки, как Ганс Георг Леманн и Жак Дро (*“Histoire générale du socialisme”*), указывают, что «источники ревизионизма» лежат именно в «аграрном вопросе». И неслучайно именно по этому вопросу проявил колебания Эдуард Бернштейн. Ещё весной 1895 года Каутский просил его сделать доклад по аграрному вопросу, но Бернштейн ответил: «Я чувствую себя более неуверенно, чем когда-либо, и не могу писать на эту тему, есть много явлений, которые вызывают во мне скепсис, а чтобы объяснить их и примирить с нашей теорией, требуются специальные знания, которых мне не хватает, и эти факты нельзя игнорировать». 16 сентября он добавил: «Мне кажется, что мелкое землевладение продолжает иметь место».

Сам термин «ревизионизм», пишет Леманн, возник на съезде в Бреслау, когда Бруно Шенланк заявил о необходимости «ревизии наших концепций» по аграрному вопросу, которая учитывала бы, что «мы больше не являемся партией только промышленного пролетариата».

Дро указывает, что после поражения в Бреслау реформисты сгруппировались вокруг *Sozialistische Monatshefte* под руководством Йозефа Блоха, выражавшей три основные тенденции: линию Фольмара и Грилленбергера, подразумевавшую парламентские союзы с прогрессивными буржуазными партиями; идеи Макса Шиппеля, Вольфганга Гейне и Генриха Пеуса, которые поддерживали колониальные завоевания и империалистическую проекцию Германии; идеи Давида, который предлагал ограничиться практическими требованиями. Эти тенденции поддерживал влиятельный секретарь партии Игнац Ауэр.

Каутский и аграрный вопрос

В 1899 году, в год начала кризиса, связанного с ревизионизмом, Каутский, тогда ещё марксист, публикует «Аграрный вопрос». Ленин тут же пишет рецензию: «Книга Каутского представляет из себя самое замечательное – после 3-го тома “Капитала” – явление новейшей экономической литературы. Марксизму недоставало до сих пор работы, систематически рассматривающей капитализм в земледелии. Теперь Каутский пополнил этот пробел»¹². При анализе существующих отношений между крупным и мелким сельскохоз-ственным производством, демонстрирующем неоспоримое превосходство первого, обнаруживается, пишет Ленин, что «процесс развития капитализма в [земледелии] неизмеримо сложнее и принимает несравненно более разнообразные формы [чем в промышленности]»¹³: ибо, например, в земледелии «вытеснению мелкого производства мешает, прежде всего, ограниченность земельной площади, не говоря уж о том, что «крупному землевладению и невыгодно было бы полное вытеснение мелкого: последнее доставляет ему рабочие руки!»¹⁴. По этой причине мелкое производство часто поддерживается искусственно силами государства.

Каутский высказывается против всякой попытки защиты крестьянской собственности: «Собственность крестьянина» представляет собой «оковы», которые «приковывают крестьянина к его нищете». Процесс, в котором капитализм овладевает сельским хозяйством, приводит к превращению крестьянина в наёмного работника. «Попытки задержать этот процесс были бы реакционны и вредны»¹⁵, – отмечает Ленин.

Lotta comunista, октябрь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 503.

2 – Там же. С. 504.

3 – Там же.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 12. С. 265.

5 – Там же. Т. 40. С. 5.

6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 518.

7 – Там же. С. 507.

8 – Там же. С. 513.

9 – Там же. С. 521.

10 – Там же. С. 519.

11 – Там же. С. 525.

12 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 88.

13 – Там же. С. 102.

14 – Там же. С. 90, 91.

15 – Там же. С. 93.

Ревизионизм

Связанный с ревизионизмом кризис начался в 1899 году с публикации работы Эдуарда Бернштейна «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Этому тексту, ставшему настоящей теоретической систематизацией ревизионизма, предшествовала серия статей в *Neue Zeit* под общим заглавием «Проблемы социализма», которую Бернштейн написал после смерти Энгельса.

Оппортунизм и реформистские темы различного характера уже всплывали в предшествовавших битвах в партии: в лассальянском государственном социализме, в позиции Карла Хохберга, в дебатах по колониальному вопросу и о *Weltpolitik* восходящей немецкой державы, в речи Фольмара в кафе «Эльдорадо» и, прежде всего, в дискуссиях 1895 года по аграрному вопросу.

Жак Дро пишет: «Поэтому если и не Бернштейн направил партию в сторону оппортунизма (который уже давно существовал), то он, несомненно, завершил идеологическую работу, призванную, по его мысли, восстановить единство между социал-демократической теорией и практикой или, если угодно, адаптировать теорию к повседневной практике партии».

Критикуя марксизм, Бернштейн рассчитывал упорядочить и обосновать теоретически ту оппортунистическую и преимущественно электротальную практику, которая вела в направлении буржуазной, межклассовой и демократической рабочей партии. Среди прочего Дро пишет о присутствии «многих социалистов в муниципальных советах больших городов», где социал-демократы были вынуждены, даже не принимая на себя функции правительства, сотрудничать с буржуазными партиями в их реформистской деятельности. Особенно это касалось южной Германии.

Возмущение, вызванное заявлениями Бернштейна, можно представить по тому, как на них якобы отреагировал Игнац Ауэр, обращаясь к автору «Предпосылки социализма»: «Милый Эдуард, ты – осёл: подобные вещи делают, но не говорят».

Бернштейн, родившийся в Берлине в 1850 году, очень рано примкнул к социал-демократии, ещё до принятия Искключительного закона против социалистов, и в годы репрессий, следуя указаниям Энгельса, возглавил газету *Sozialdemokrat*. Будучи ведущим теоретиком марксизма, он тем не менее пришёл к нему, по утверждению Пауля Фрелиха, от «мелкобуржуазного этического социализма», который вновь проявится в его взглядах как преобладающая тенденция уже в зрелом возрасте. В то же время в течение нескольких лет изгнания в Лондоне, куда переехала *Sozialdemokrat*, он находился под влиянием английской либеральной демократии, тред-юнионизма и градуалистских концепций социальных реформ фабианцев. Бернштейн выражал внутри немецкой социал-демократии тенденцию к так называемому «манчестеризму», отличающуюся от лассальянской традиции. Арриго Черветто писал в «Политической оболочке»: «В отличие от Кунова, который продолжает немецкую государственническую традицию [...], Э. Бернштейн является выразителем английского варианта либерально-демократической линии»¹.

Немецкая мастерская империализма

Личностные характеристики Бернштейна следует рассматривать в более широком контексте ситуации в Германии

того времени. В той же «Политической оболочке» Черветто пишет, что отнюдь «не случайно», что «наиболее коварная атака на марксизм» на теоретическом уровне была произведена со стороны «буржуазной и мелкобуржуазной критики» и что «в немецкой зоне и в момент экспансии социалистического движения она достигла своего максимального уровня как в количественном, так и в качественном плане»: «Немецкая зона по темпам капиталистического развития превзошла английскую и заняла второе место в мире после Соединённых Штатов. В этой большой мастерской империализма вся техника организации финансового капитала, централизации и концентрации капитала достигла высшей точки; по той же причине внутренней борьбы между классами и фракциями классов и внешней конкурентной борьбы монополий, все буржуазные и мелкобуржуазные теории также нашли почву для всеобщей систематизации и повторного определения. Сталкиваясь с марксизмом, распространившимся в немецком рабочем движении, как нигде в мире, они нашли уникальный случай для соединения, инкубации и синтеза, прежде чем распространиться после поражений Германии в другие метрополии, прежде всего в англосаксонскую зону»².

В «Кризисе социал-демократии» («Брошюра Юниуса», 1916) Роза Люксембург, ведущая фигура в борьбе за защиту марксизма от ревизионизма, развивает наблюдения, сопоставимые с выводами Черветто: «В Германии появление империализма, происшедшее в очень короткий период, можно наблюдать в его чистом виде», когда «все слои буржуазии, объединённые ненавистью к рабочему классу, [окопались] за спиной правительства».

Цикл и идеология

Люксембург указывает на подъём Германии как на решающий фактор будущего империалистического раскола: «[Молодой], полный сил, не имеющий на своём пути никаких препятствий, империализм, выступивший на мировой арене с чудовищным аппетитом, когда весь мир был почти уже разделён, очень быстро сделался причиной всевозможных осложнений»³.

В немецкой социал-демократии эти явления и движущие их силы подробно изучались в трудах Карла Каутского, самой Розы Люксембург и Александра Парвуса, разоблачались в пропаганде Вильгельма Либкнехта и Клары Цеткин. Как сообщает Фрелих в биографии Люксембург, для этих марксистов было ясно, что капиталистический мир вступил в «новый период катастроф» и что «мировая война угрожающе приближалась».

Однако среди других членов партии распространялась либеральная иллюзия о прогрессивном и мирном развитии капитализма, способном разрешить его имманентные противоречия. Фрелих пишет: «Других сгущающиеся тучи, конечно, не беспокоили, для них солнце светило ярко, и дальнейшее развитие общества представлялось в розовых тонах. Капитализм оставил позади годы юношеской и бандитской разнузданности, он стал послушным и разумным. Кризисы [...] прекратились более чем на два десятилетия (если не принимать во внимание некоторые небольшие потрясения). Мы оказались в условиях всё более восходящего тренда процветания. С 1870 года бои на европейской земле велись только в бурном регионе Балкан. Рабочее движение больше не было запрещено». Тогда в

партии возникло новое течение – «сознательный реформизм, развившийся в целую теоретическую систему».

Плыть по течению

В своей работе «О понятии истории» (1940) Вальтер Беньямин предлагает интересное наблюдение: «Конформизм, который с самого начала был присущ социал-демократии, крепко сидит не только в её политической тактике, но и в её экономических воззрениях. Он – первоначало последующего крушения. Ничто до такой степени не коррумпировало немецкий рабочий класс, как убеждение, что он плывёт по течению. Техническое развитие представлялось социал-демократам уклоном течения, по которому они предполагали плыть. Отсюда оставался только один шаг до иллюзии, что фабричный труд, который отвечал бы ходу технического прогресса, есть политическое достижение. Старая протестантская трудовая мораль праздновала своё новое рождение – в секуляризированной форме, среди немецких рабочих»⁴.

Идея «плыть по течению» восходит к сочинению Бернштейна 1899 года: поскольку капитализм показал, что способен преодолевать свои кризисы и улучшать условия жизни пролетариата, Бернштейн принял максиму «Движение – всё, конечная цель – ничто». Против классового критерия он использовал аграрный вопрос, подчёркивая наличие промежуточных слоёв и мелкой буржуазии и тем самым ставя под сомнение преобладающий характер процесса пролетаризации. Более того, он рассматривал акционерные компании и карты как факторы, смягчающие капиталистические кризисы.

Один из приёмов бернштейнианской критики состоял в том, чтобы выдавать за марксизм карикатуру на него, на которую было легче нападать. Пожалуй, самой вопиющей мистификацией является приписывание Марксу никогда не разделяемой им «теории автоматического краха», искажающей диалектический материализм и сводящей его к механицизму и финализму. Оспаривая этот, удобно искажённый для собственных нужд, марксизм, Бернштейн делал акцент на политических формах и надстроечных факторах.

Он также приписывал Марксу «теорию обнищания», путая *нищету масс* и её моральный подтекст с научной концепцией *массы нищеты*, относящейся к общим социальным отношениям между классами.

Кант и немецкий социализм

В бернштейнианском ревизионизме акцент смещён от революционного преодоления капиталистического способа производства к «более справедливому» распределению внутри буржуазного общества. Фактически для Бернштейна социализм больше не представлял собой «действительное движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁵, как его понимали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», он определял его скорее как моральный императив. Отказавшись, таким образом, от материалистической концепции классовой борьбы, он понимал социализм как этическую цель, к которой следует стремиться, как постулат о необходимости практических действий по реформированию капиталистического способа производства, которое постепенно смягчит свои противоречия в сотрудничестве между классами, в том числе

в пользу пролетариата. Черветто говорил о «субъективистском перевороте» Бернштейна, сводившем социализм «к этическому принципу» в попытке «разрушить материалистическую теорию».

В этой связи Дро указывает, что «антиматериалистическая направленность мысли Бернштейна не может быть понята без учёта его связи с неокантианским философским движением, без того «возврата к Канту», к которому его побудило чтение Ф. А. Ланге, а затем контакты с марбургской школой», самый известный представитель которой Герман Коэн считал Канта «истинным отцом немецкого социализма».

В результате антиревизионистского наступления, предпринятого Парвусом в *Sächsische Arbeiterzeitung*, Розой Люксембург и с меньшей энергией Каутским, тезисы Бернштейна формально были отклонены на съезде 1899 года в Ганновере. Этот результат был закреплён на съездах в Любеке (1901) и Дрездене (1903). Однако ревизионистская ориентация, первоначально ограниченная сферой влияния *Sozialistische Monatshefte*, имела тенденцию к распространению на весь партийный аппарат. Проблема ревизионизма вновь возникнет в дискуссии о всеобщей забастовке, где столкнутся приверженцы социальных реформ и революции.

Lotta comunista, декабрь 2023 г.

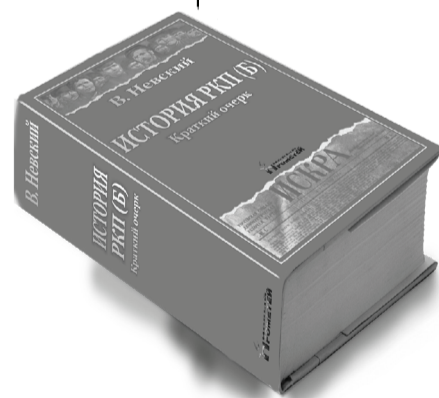
1 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2010. С. 191.

2 – Там же. С. 76.

3 – Люксембург Р. Кризис социал-демократии. М.: Красная новь, 1923. С. 25, 26.

4 – Беньямин В. О понятии истории // Художественный журнал. 1995. № 7.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 3. С. 34.

В. И. НЕВСКИЙ История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Всеобщая стачка и социал-демократия

I

При изучении истории ревизионизма следует учитывать такой фактор, как роль профсоюзов, которые в 1892 г. на съезде СДПГ в Хальберштадте централизованно организовались под руководством Карла Легина, для которого профсоюзная борьба не была больше важным аспектом классовой борьбы, а стала сражением за «равенство прав».

Решение о слиянии профсоюзов в обширные централизованные ассоциации и отказе от любых политических действий было навязано так называемым «локалистским» течением, представленным Рафаэлем Фридебергом и находящимся под влиянием анархо-синдикализма.

Десятилетие профсоюзов

Преодоление задержки в развитии профсоюзов – вызванной прежде всего отсталостью условий в Германии по сравнению, например, с Великобританией, – последовало за принятием Исключительного закона против социалистов, в период, названный Францем Мерингом «десятилетием профессиональных организаций»¹. Если в 1893 г. в профсоюзы были организованы немногим более 200 тыс. рабочих, то в 1902 г. это число выросло до 733.206. Энергичный рост продолжился и в последующие годы: по данным Генриха Августа Винклера (*“Grande storia della Germania”*), в 1906 г. число членов достигло 1,6 млн, что более чем в 4 раза превышало численность СДПГ, которая в то время насчитывала 384 тыс. членов. Жак Дро указывает, что накануне первой мировой войны, в 1913 г., в профсоюзах состояли почти 2,5 млн членов. При таких масштабах, пишет Винклер, профсоюзы приобрели «достаточно самосознания, чтобы поставить сохранение своей собственной организации выше всех других целей и отказаться подчиняться партии».

Профсоюзная сфера по самой своей природе является территорией идеологической борьбы и межклассового влияния. Это происходит потому, что, как пишет историк Михаэль Штюрмер в *“Das ruhelose Reich”*, «сам факт необходимости измерения соотношения сил, существующих между государством, рабочим движением и предпринимателями, представляет собой водораздел в социальной истории, более важный, чем создание империи». Проблема проявилась в беспорядках в Германии на рубеже веков, напоминает Штюрмер: «Массовые забастовки 1899 года на угольных шахтах Рура и Силезии научили многих, что значит бояться. Это не было революцией, но раздала себя стрельба и пролилась кровь».

Церковь, признав историческую тенденцию развития пролетариата, предложила свои опыт и организационную силу. Линию Ватикана по социальному вопросу на десятилетия вперед предвосхитил активизм католического епископа Вильгельма Эммануэля фон Кеттелера с его энцикликлой *“Rerum Novarum”* 1891 г. Среди рабочих начали укореняться христианские профсоюзы, связанные с Zentrum.

В то же время либералы и прогрессисты также нашли в профсоюзах свою новую клиентуру, особенно среди служащих, напуганных массовыми забастовками 1899 г. и дистанцировавшихся от социал-демократии.

Профсоюзы и ревизионизм

Дро пишет: «Даже если не принимать чью-либо сторону в полемике о ревизио-

низме, то всё равно придётся отметить, что профсоюзы являлись лучшими союзниками ревизионизма в борьбе с «ортодоксией» [и] фактически [...] демонстрировали глубокое недоверие к партии». Это недоверие только усилилось, когда Роза Люксембург в книге «Социальная реформа или революция?», отвечая на тезисы Эдуарда Бернштейна, написала, что фронт экономической борьбы, как бы он ни был «необходим», всё же представляет собой «своего рода сизифов труд»². Формула Люксембург была использована Карлом Каутским в 1906 г. в тексте «Путь к власти»³, за что профсоюзные лидеры обвинили его в «анархо-социализме».

В работе «Что делать?» Ленин настаивал на роли партии в привнесении классового политического сознания «извне», то есть «извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам». В самом деле: «Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений всех классов и слоёв к государству и правительству, область взаимоотношений между всеми классами»⁴.

Однако в Германии сила профсоюзов была такова, что партия сама изнутри подверглась влиянию реформизма профсоюзной практики. Историк Ханс-Йозеф Штайнберг в книге *“Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie: zur Ideologie der Partei vor dem 1. Weltkrieg”* документально подтверждает, что «в 1912 году парламентская фракция рейхстага на треть состояла из профсоюзных деятелей».

Роза Люксембург в своей работе разоблачает теоретический подход Бернштейна, указывая на роль, которую тот отводил профсоюзам: «Таким образом, оба бернштейновские средства социалистической реформы – товарищества и профессиональные организации – оказываются совершенно неспособными преобразовать капиталистический способ производства. В сущности, Бернштейн сам смутно сознаёт это, рассматривая их только как средство урвать сколько-нибудь из капиталистической прибыли и обогатить таким способом рабочий класс. Но в таком случае он отказывается от борьбы с капиталистическим производством и направляет социал-демократическое движение против капиталистического распределения. Бернштейн не раз формулирует свой социализм как стремление к “справедливому”, к “более справедливому” (стр. 51 его книги) и даже к “ещё более справедливому” ([Vorwärts], 26-го марта 1899 г.) распределению»⁵.

На этой почве социал-демократия всё чаще становилась выразителем интересов технических специалистов и бюрократов. Историк Вольфганг Абендрот говорит о «бюрократической институционализации» партии, профсоюзов и рабочих кооперативов, поэтому было «естественно», что «сам институт в конечном итоге стал [...] более важным, чем цель, ради которой он появился на свет». Дро комментирует: эти администраторы, работники ли они в секретариате партии, в редакции газеты или в парламенте, жили не ради рабочего движения, а за счёт него, поэтому «очевидно, что эта новая категория не могла быть не встревожена перспективой действия, выходящего за рамки правового поля и ставящего под угрозу полученные материальные результаты». Эту эволюцию хорошо иллюстрирует фигура Фридриха Эберта. Назначенный секретарём партии в

1905 г., он воплощал собой тип милитанта, «радикально противоположный» революционерам предыдущего поколения, замечает Дро.

Энгельс о стачках

В начале империалистического XX века немецкая социал-демократия столкнулась с тремя крупными, тесно связанными между собой проблемами: проблемой отношений между профсоюзами и партией, проблемой всеобщей стачки и проблемой значения Русской революции в контексте революционных перспектив Западной Европы. Так, исторические коллизии Русско-японской войны и Первой русской революции 1905 г. выдвинули на повестку дня проблемы империалистической войны и вопрос о партии. Франко-германское противостояние по поводу Марокко и Танжерский кризис породили призрак европейской войны.

Дебаты по поводу всеобщей стачки уже десятилетиями велись в рабочем движении, но теперь возобновились в новом контексте. I Интернационал на своём конгрессе в Брюсселе 1868 г., когда английский тред-юнионизм представлял собой наиболее передовую точку классового развития, одобрил предложение бельгийцев и призвал «бастовать против войны». Маркс в письме к Энгельсу от 16 сентября 1868 г. определил это как «бельгийскую нелепость»⁶.

Впоследствии всеобщая стачка стала знаменем бакунистов, которые на Женевском конгрессе 1873 г. указали на неё как на орудие свержения буржуазного общества. Энгельс в рамках полемики против анархистов в Интернационале подверг критике эту концепцию в серии статей, опубликованных в *Volksstaat* осенью 1873 г. под заголовком «Бакунисты за работой»: «Спасение для них должна была стать всеобщая стачка. В бакунистской программе всеобщая стачка служит тем рычагом, при помощи которого совершается социальная революция. В одно прекрасное утро все рабочие всех отраслей промышленности какой-либо страны или даже всего мира прекращают работу и этим вынуждают имущие классы, самое большее через месяц, либо принести повинную, либо же пасть на рабочих, и тогда последние получат право защищаться и воспользуются случаем, чтобы опрокинуть всё старое общество». Однако, продолжает Энгельс, для этого «необходима организация всего рабочего класса и наполненная касса. А в этом-то и вся загвоздка!». «С одной стороны, правительство [...] никогда не допустит, чтобы организация и касса рабочих достигли такого уровня; с другой стороны, политические события и притеснения со стороны господствующих классов приведут к освобождению рабочих гораздо раньше, чем пролетариат успеет создать эту идеальную организацию и этот колоссальный резервный фонд. А если бы он обладал ими, ему незачем было бы идти окольным путём всеобщей стачки, чтобы достигнуть цели»⁷.

Энгельс, таким образом, подчёркивает различие между экономической и политической борьбой, указывает на ключевую роль организации и, следовательно, партии, и говорит об анархистской позиции как о благодушной иллюзии, которая не способна оценить действительное соотношение сил. Он, конечно, не исключает инструмента

всеобщей стачки, посредством которой пролетариат при помощи экономических требований может достигать в том числе и политических целей, но указывает, что этот инструмент следует оценивать с учётом конкретных условий: в 1893 г., когда в Австрии сильное движение поддержало всеобщую стачку, чтобы добиться всеобщего избирательного права, в некоторых письмах Виктору Адлеру и Каутскому Энгельс советовал не проводить подобной проверки силы в австрийских условиях, но не отвергал самого принципа. В общем, всеобщая стачка для Энгельса была лишь одним из методов борьбы: не общей формой революции, но её возможной частью, и в любом случае лишь «окольным путём» по отношению к борьбе между классами за политическую власть.

Ленин и «школа забастовки»

Даже Ленин, который твёрдо придерживался концепции классового сознания привнесённого извне, а следовательно, необходимости борьбы за партию, в статье «О стачках», написанной в 1899 г., но впервые опубликованной в 1924-м, подчёркивает значение забастовки как школы борьбы: «Каждая стачка напоминает капиталистам, что настоящими хозяевами являются не они, а рабочие, которые всё громче и громче заявляют свои права. Каждая стачка напоминает рабочим, что их положение не безнадежно, что они не одиноки». Ленин вспоминает песню немецких рабочих, в которой о пролетариате говорится: «Все колёса остановятся, если захочет того твоя сильная рука»⁸.

В экономической борьбе может возникнуть и более общая идея: «Всякая стачка наводит рабочих с громадной силой на мысль о социализме – о борьбе всего рабочего класса за своё освобождение от гнёта капитала»⁹. Но революция и борьба за политическую власть, подчёркивает Ленин, не могут быть вверены тред-юнионистскому спонтанеизму: необходим инструмент партии-стратегии, потому что, как он пишет в «Что делать?»: «Без революционной теории не может быть и революционного движения»¹⁰.

Lotta comunista, январь 2024 г.

1 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 259.

2 – Люксембург Р. Социальная реформа или революция? М.: Госполитиздат, 1959. С. 62.

3 – Каутский К. Путь к власти. М.: Госполитиздат, 1959.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 79.

5 – Люксембург Р. Указ. соч. С. 63.

6 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 122.

7 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 18. С. 460, 461.

8 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 293.

9 – Там же. С. 294.

10 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 24. Ленин повторяет мысль Плеханова о том, что «без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71).